

ПАРАДОКС. ИСХОДНЫЙ КОД

Шаповалов Роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Шаповалов

Парадокс. Исходный код

<https://litres.ru/74304747>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение романа «Парадокс. Исходный код» — это не просто новая история. Это нечто большее. Это похоже на письмо самому себе в прошлое. Автор из 2026-го пишет человеку, которым был в 1991-м. Он говорит ему: «Послушай. Ты можешь всё изменить. Но знай цену. Знай, что за каждую победу заплатишь. Знай, что даже если ты станешь Богом — ты останешься человеком. И это — самое сложное».

Это похоже на зеркало. Когда читаешь эту книгу, видно не только главного героя. Видно автора. Его усталость, его ярость, его нежность, его жажду справедливости. Но он не прячется за героем — он в нём. И это делает книгу не просто "интересной". Она становится честной.

Это похоже на карту. Автор рисует мир, в который веришь. Где человек может изменить историю, если у него есть воля. Где любовь сильнее времени. Где самые тёмные силы можно победить, если не сдаваться.

Но самое главное - это похоже, как если бы автор сказал вслух то, что всегда боялся сказать себе. И теперь оно записано и переживёт его.

Роман Шаповалов

Парадокс. Исходный код

ПАРАДОКС. ИСХОДНЫЙ КОД.

Шаповалов Роман

Глава 1

Мой крепкий сон оборвал уличный гул. Москва просыпалась. Лежу, пялюсь в потолок — по нему скользят блики утреннего солнца. Пора вставать. Справа, разметав по подушке длинные русые волосы, ещё спит Ксюша. Красивая серебристая прядь залегла поперёк щеки. Встаю в одно движение и, чтобы не потревожить её сон, натягиваю тапки и решительно выметаюсь из спальни по маршруту: туалет — контрастный душ. На кухне утренний стакан свежей родниковой воды запускает организм, а настенный хронометр делится информацией: шесть часов двенадцать минут, семнадцатое августа две тысячи двадцать шестого года. Удивительно: дожил-таки, круг замкнулся.

Натягиваю спортивный костюм и кроссовки, застёгиваю на запястье видеофон и выскакиваю на лестничный марш. Впереди — получасовая пробежка, а дальше план мероприятий на день до самого вечера. Кстати, сегодня ещё и засе-

дание Политбюро.

Влажная беговая дорожка вдоль тротуара уже встречает утренних бегунов — не я один такой фанат. Улыбающиеся лица и приветствия делают мою ежедневную пробежку атмосфернее. Бегу и легонько прощупываю сознание встреченных по пути. Всё чисто и весьма позитивно. В стабильном обществе и люди всегда в хорошем и благодушном настроении.

Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Нет, вы только вдумайтесь: Советский Союз — первая экономика мира! Не Америка, не Европа, а мы. Те самые, кого тридцать с лишним лет назад списывали со счетов. А теперь мы в паре с братским Китаем оставили позади всех — включая этих, с позволения сказать, «непотопляемых» англосаксов, которые когда-то мнили себя хозяевами планеты. И самое поразительное: моя карьера в партийной верхушке оказалась для этого одним из главных рычагов. Подумать только — я, простой парень из провинциального города, стал одним из тех, кто переписал историю. Смешно? Немного. Но чёрт возьми, приятно!

Во-вторых, — и это, пожалуй, отдельный повод для гордости, — именно моё непосредственное участие в международных переговорах девяносто третьего года сделало возможным то, что до сих пор считается чудом дипломатии. Поэтапное, но неумолимое ядерное разоружение. Не на бумаге, не в громких декларациях, а на деле. Мой, весьма «скром-

ный» дар убеждения — умение смотреть людям в глаза и заставлять их видеть правду, мою правду — позволил методично обнулить ракетно-ядерные потенциалы всех шести стран пресловутого «ядерного клуба», а также псевдобезъядерное еврейское государство. Сначала с нами согласились, потом — подчинились, а в итоге — сами не заметили, как избавились от боеголовок, будто от балласта. И мир, затаив дыхание, выдохнул, а часы судного дня отмотали время назад. Впервые за десятилетия.

В-третьих, пункт, который вбирает в себя столько событий, что хватило бы на десяток томов мемуаров. Но если отжать воду — суть проста и грандиозна: моей Родине больше ничего не угрожает. Почти ничего. Той самой стране, которую в девяносто первом, словно облезлый товар на распродаже, собирались пустить с молотка, теперь никто не смеет даже косо взглянуть в её сторону. Первое в мире пролетарское государство налилось такими мускулами, что оказалось в силах наконец воплотить то, о чём первые большевики грезили, глядя в прокуренный потолок ссыльных изб, — мировую социалистическую революцию. Да, мы скоро сделаем это. И всё это время я стоял у руля, когда лодка истории разворачивалась.

А я сам? Я же скромно устроился в тиши кабинетов ЦК, на должности Председателя Центральной ревизионной комиссии. Не самая публичная фигура, согласен, зато — ключевая. Никто не орёт «ура», когда я вхожу в зал, но, когда я

выхожу — переделывают планы. В свои пятьдесят семь я всё ещё в игре и прикидываю: ещё пяток лет у меня точно есть. И если не сбавлять темпа, можно успеть ещё немало такого, о чём потомки прочитают в учебниках. А тогда давно, сразу после переноса, просто хотелось заняться тихой коммерцией, ну или спекуляцией, как на это посмотреть. Не срослось, к счастью.

По утрам — бег трусцой. Ритуал, который давно перерос просто физкультуру. Пока ноги несут меня по утреннему парку, мысли, словно круги на воде, расходятся ровно, без суеты, и приоритеты выстраиваются сами. Мышцы в тонусе — стратегия тоже.

Правда, есть одна мелкая неприятность — моя, до зубного скрежета надоевшая, узнаваемость. Скрыться от неё невозможно, но я приспособился. Отвечаю на приветствия на автомате, улыбаюсь, киваю, а сам в это время мягко, словно лучом фонаря, сканирую сознание встречающих. Я не параноик, я — ветеран невидимых битв. А привычка, знаете ли, вторая натура. И, как показала практика, первая линия обороны.

На обратном пути, высоко над головой, скользнул серебристый состав магнитоплана и накрыл меня плотным воздушным потоком. Вот он выскочил и тут же исчез между стен высоток.

По телу растекается бодрящее тепло. Влажный чистый воздух столицы вот уже семь лет не омрачается выхлопами двигателей внутреннего сгорания. Так же трусцой, в фойе

парадной махнул сонному консьержу, вихрем залетел на четвёртый этаж и, напевая себе под нос: «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля», — вновь иду в душевую кабину. Ну люблю я воду, что со мной поделаешь. И квартиру эту очень люблю — не то, чтобы чем-то особым, три комнаты, кухня и столовая, главное, каких-то пять минут, и я на работе, на Старой площади. Время — самый ценный ресурс. Время — наше всё.

Выхожу из ванной, и утренняя фурия прямо в дверях обхватывает меня за шею и целует звонко в щёку притворно злясь,

— Ну ты снова убежал без меня. Я буду ревновать. Ромка, к кому ты бегал спозаранку, колись!

— Девочка моя — слегка отстранившись и обхватив Оксану, за её всё ещё крепкие округлости пониже спины — Ты так сладко спала, что будить тебя было выше моих сил. Завтра вместе побегим. — и чмокаю её в переносицу. — Да, и что у нас на завтрак? Дай попробую угадать...—делано задумываюсь.

— А что тут гадать? Твоя любимая овсянка и козий сыр. — подмигивает она и продолжает уже вопросом — ты сегодня допоздна?

— Ну это от товарищей зависит. Как проголосуем. Сегодня есть что обсудить. — она в ответ усмехается и прямо в цвет мне

— А что тут обсуждать, то? Как ты решишь, так они и

примут. — и уже смеясь — Первый среди равных, да Роман Владимирович?

Да, Оксана узнала о моей удивительной особенности едва ли не сразу по приезде в родной город, в конце августа девяносто первого. В памяти всплыл флешбэк: проснувшись утром следующего дня и обработав рану в ванной, я вернулся в постель, и Оксана, не сдерживаясь больше, набросилась на меня голодной тигрицей. Честно, я не сопротивлялся ни секунды — скучал по ней невероятно. И после скачки, не дождавшись, когда я её догоню, она рухнула, мелко дрожа, мне на грудь, забыв о моей сквозной и незажившей неприятности, что разом вернуло меня к действительности. Я скривился, едва не прикусив губу. Оксана ойкнула, перевалилась на моё правое плечо и замерла, продолжая удерживать меня тем самым за то самое... И в этот момент я выплеснул в неё всё, что накопилось за последние дни. Тогда мы и зачали Ольгу. А Олег родился гораздо позже, когда мы уже не ждали.

— Ромочка! Пожалуйста! Ответь мне! — после паузы — видимо, осознав, что сейчас произошло (мы ведь не предохранялись)...

— Кто ты? — Она снова поднялась в позу наездницы и рассматривала меня сверху, прищурившись и улыбаясь. Но по дрожащим губам было очевидно: вопрос задаёт совершенно серьёзно, очень ждёт и при этом боится того, что услышит. Наивной девочкой Оксана не была.

Я долго, снизу вверх осматривал её — вспотевшую, колы-

шущуюся грудь, капельки пота над ключицами, эти глубокие, потрясающие озёра глаз, румяные от утренней улады щёки — и, принял для себя то единственное решение. Я всё ей рассказал, ну или почти всё. Даже о том, что где-то в будущем бесследно исчезла вся моя семья из 2026 года. А мои мальчишки остались лишь в моей памяти. Во всяком случае, я так думал сам. Но что осталось в самой потаённой комнате моего сознания — так это вопрос: кто в кого первым влюбился и что на самом деле послужило стимулом, а точнее — катализатором наших отношений.

Настроение было отменным. Мы позавтракали, смеясь и делясь свежими мыслями. В разговоре Оксана подняла важную тему: о гостях, которых ждать вечером. Оказывается, вчера общалась с дочкой.

— Вечером Ольга с Сашей и Семёном обещала заехать. А если Олег освободится, то он тоже подтянется. А то потом снова на три месяца улетит на учения, когда я его увижу? А Ольга говорит, что тебе не дозвониться, вот собственной персоной и пожалует, пока в Ирак на свои раскопки не улетела снова, — она отставила полупустой стакан с апельсиновым соком и внимательно заглянула мне в глаза: — Ты же до девяти вечера справишься?

— Я тоже по ним соскучился, буду. Хоть на внука посмотрю, а то мы с ним только по видеофону болтаем. Если чуть и задержусь, то не по своей вине. — выдаю не задумываясь. На что Ксюша произносит, определённо, заготовленную фразу.

— А кто же тебя остановит? — Ксюша замерла на секунду, и в её голосе проскользнуло что-то древнее, даже жреческое. — Ты же и причина, ты и закон для всех.

Я промолчал, отвернулся в окно. Потому что она была права. В этом мире — новом, выстроенном заново моими руками и моим даром — я стал тем, кого любили и ненавидели. Негласным царём. Теневой совестью. Архитектором реальности. Я не носил короны, но каждый мой кивок менял судьбы Родины и не только. Я не издавал указов, но ни один закон не принимался без моего молчаливого «да». Или, как сказал бы кто-то из классиков: «Я стал своим собственным провидением». Но и провидению, знаете ли, несладко. Оно всегда в ответе за всё. А за всё — это за жизни людей, за слёзы, за будущее дочери и сына... за тех мальчиков, которых я никогда не обниму.

— Ты права, моя Прелесть. Буду вовремя. Но я всего один звонок от Ольги пропустил. Пусть не драматизирует. — Я поднялся и, уже на пути в гардеробную, бросил: — Спасибо повару и за компанию. Я тебя люблю, Ксю.

Утренняя свежесть улицы наполнила лёгкие. Меня сопровождал приставленный чекист — с трудом отбиваюсь от этой опции на пробежках. В машине сегодня я тоже не нуждался: идти-то всего ничего. Не то чтобы я хотел быть ближе к народу — в этом не было никакой необходимости. Я и был, по сути, народом, если иметь в виду, что я слышал голос и чаяния каждого напрямую. И для этого со мной даже не надо

было говорить. Удобно, правда?

Вот и мой кабинет. Узнать в нём рабочее место блюстителя вряд ли удалось бы — слишком многое изменилось с начала девяностых. СССР не про консерватизм, прогресс должен быть во всём. Отсюда и стиль: свой, удобный, утилитарный и без показной роскоши.

Вместо массивной стены — лёгкая стеклянная перегородка. За ней стол из цельного дубового слэба, тёплого, живого, с едва заметной природной трещиной. На нём — тонкий полупрозрачный экран регистратора, почти не занимающий места. Ни бумаг, ни папок, всё необходимое спрятано за скрытыми фальшпанелями в стенах. Минимализм, доведённый до аскезы. И только большое окно — во всю стену — открывает вид на Москву, которую я когда-то защитил, а потом перестроил. Оно здесь главное. Напоминает, ради чего всё это.

Меня встречает референт — молодой, подтянутый парень в очках тонкой оправы, серый костюм сидит на нём безупречно. Держится уверенно, без суеты. Не стал искушать судьбу и брать помощником девушку, у Ксюши могли бы возникнуть вопросы. Мысленно усмехаюсь и ловлю себя на старой, как мир, дилемме: любовь равна ревности — или ревность просто дополняет любовь, как специя к основному блюду? Без неё вроде и пресно, а переборщишь — есть невозможно. Впрочем, Ксюша давно научилась дозировать эту приправу виртуозно. За тридцать пять лет брака можно

освоить любое кулинарное искусство.

— Роман Владимирович, в девять представление нового министра внутренних дел, потом встреча с руководителем Директории микроэлектроники в центральном офисе... — Я перебил:

— Ярослав, я прочёл сообщение. Лучше скажи: ты ознакомился с отчётом по нефтянке? Мне нужна выжимка из доклада. Только суть.

— Да, шеф. Всё уже в вашем регистраторе. — и произвольно махнул рукой в сторону кабинета.

Проходя по приёмной, взглянул в зеркало — синие глаза слегка светились. Уже не тот двадцатидвухлетний пацан, но ещё далеко не дед. Хотя Ольга уже и наградила этим почётным титулом.

Разбор отчёта порадовал: общемировые затраты на добычу углеводородов ощутимо подросли по итогам двух кварталов. Западные страны уже давно сотрясают нефтяные кризисы, а наши арабские друзья не слишком им помогают в решении их головняков. Что ж, дополнительный козырь в завершающей битве за построение единого справедливого общества.

Проблема в расширении моего влияния была очевидна: мне активно противодействовал незримый противник — своими консультациями, влиянием, перестановками в элите

западных оппонентов. И это точно были усилия моих давних знакомцев. Должен же существовать способ выявить их — непосредственных, ключевых игроков в этом противостоянии. Работа Службы внешней разведки давала определённый результат, но пока что недостаточный. Мои наезды под разными личинами в стан врага натывались на крайне жёсткое сопротивление. Помнится, на сессии Генеральной ассамблеи ООН, когда я выходил из здания офиса, я даже получил очередную пулю. Повезло, что чекисты уговорили надеть броник под одежду, и всё обошлось поломанными рёбрами. Но это же, блядь, больно, замечу я вам.

Сработал видеофон, подношу руку к лицу. «Здрасте-мордасти». Внук.

— Деда, привет. Чё, ты как? Мы сегодня у тебя. Ты ждёшь? — взрослый совсем, уже четырнадцать. Точно чего-то хочет, но сейчас сам всё выдаст, затем и набрал.

— Да, мой хороший. Я тебя всегда жду. Какие у тебя успехи? — на что он выдаёт без запинки:

— Мы с ребятами строим в учцентре квадролёт, а нам не дают его пилотировать, представляешь? Дистанционно уже испытали, всё Ок. Надо же самим. Мы ничего нового не придумали, мы всего лишь поменяли алгоритмы управления. Ты же один меня понимаешь, скажи им.

— Семён, идея отличная, но риск не оправдан. Вечером обсудим. Я даже знаю, кто собрался в первый полёт. — хмы-каю я.

— Дед, всё будет тип-топ. Ты же меня знаешь. — отвечает непоседа.

— Знаю, и очень даже хорошо. Помню, как ты втихую собрал с приятелем дельтаплан и чудом выжил после падения с Башни Ильича.

— Да там мы не рассчитали ветер и турбулентную воздушную подушку... — сбивчиво оправдался внук.

— Так, Семён. Всё вечером. Обнимаю и отключаюсь. Дела. — Махнул ему ладонью на прощанье. На что он кисло улыбнулся и отключился.

Откидываюсь в кресле. Внук — сорвиголова, весь в меня. И проблемы у него такие же: то дельтаплан, то квадролёт. Хорошо, хоть не спрашивает, где я был в девяносто первом.

На экране регистратора вспыхнула метка вызова. Отвечаю.

— Роман Владимирович, добрейшего, есть минутка? — приветствует меня Председатель КГБ Митрофанов Виктор Павлович.

— И тебе не хворать, Палыч. Для тебя всегда свободен. Есть новости по объекту?

— Ты, как всегда, зришь в корень. Есть. Мне кажется, тебе лучше на это взглянуть самому. — Он отправляет файл. — Открываю сообщение.

— Рассказывай. — Кручу картинку. — Очень интересно. Вращаю изображение со всех сторон: металлический приплюснутый купол, встроенный в скальный массив. Но то, что вижу, не становится для меня неожиданностью — я сам дал задание на поиск.

— Если вкратце, — продолжает Митрофанов, — этот механизм не имеет аналогов. Устройство каким-то образом влияет на гравитацию, источник энергии пока не ясен. Радиационный фон на пределе нормы. Со слов исследователей, сейчас система в режиме сна, но подаёт определённые признаки — повторяющиеся с заданной частотой колебания фона. Присутствия и следов операторов не выявлено. Эксперты предлагают, как версию... только не смейся... машину времени.

Я мысленно усмехаюсь. А почему и нет. Если устройство меняет гравитацию, значит, оно может искривлять и пространство-время. Как чёрная дыра, но в миниатюре. Общая теория относительности — это ещё сто лет назад подтвердила: массивные тела искривляют время. А если создать управляемую воронку... Технологии будущего оседлали гравитационное поле, что и позволяет синеглазым совершать скачки

во времени. Кристалл Генри, его жетон — возможно, абонемент на временной переход. Я так и не опробовал этого за тридцать пять лет, хотя перелопатил сотни документов и привлёк передовых специалистов. Нынешние учёные пока не доросли до всего.

И вот попались, которые кусались, внутренне порадовался я. В начале года я был с рабочим визитом на Алтае. Пролетали над ущельем Че-Чкыш, вдоль каньона, по река Чибит. Я почувствовал каждой клеточкой знакомое присутствие синеглазых. Дал команду на разворот, и мы ещё полчаса кружили над тем местом, где меня «торкнуло». Ничего сверху — обычный ландшафт: горная гряда, рассечённая шрамом ущелья с речушкой на дне. Но я велел пилоту поставить отметку. И вот — нашли.

Палыч, видимо, заметил, что я задумался, и замолчал.

— Продолжай, — подбодрил я. — Есть что-то необычное?

— Ты так спрашиваешь, будто это вообще обычное дело, — удивляется он. — Ты откуда узнал, что мы там найдём?

— У меня есть оперативный источник, Виктор Павлович. В своё время ты о нём узнаешь. — отрезаю я. — Демонтаж возможен?

— Пока разбираемся. Другой информации нет. Вот, хотел доложить о находке. Искали что-то — нашли это. Странно. Тебе не кажется?

— Не кажется, Палыч. — Я смотрю на скан купола. —

Значит так: усилить охрану и наблюдение. Мне нужно подумывать.

— Не разбирать пока? — начинает было Митрофанов.

— А зачем? Искали иголку в стоге сена, а нашли мину, — перебиваю я. — Теперь будем разминировать. И порекомендуй мне физика-теоретика, который не побоится назвать чёрное чёрным. Лучше из тех, кто работал с гравитационными аномалиями.

— Есть, — кивнул председатель КГБ и отключился.

А я остался сидеть, глядя на потухший экран. Ущелье Чечкыш. Место, где, по легендам, обитают духи. Немного ознакомился в общих чертах. Теперь там этот купол, возможно искривляющий время.

Возможно, синеглазые не только шпионят извне — они построили базу в нашем подбрюшьи. Или временные ворота. А нашли мы пока что одни объект и то случайно. Прямо под носом. Почему я решил, что это их богадельня? Так это пока что чутьё. За тридцать пять лет я научился чувствовать их присутствие. Что ж, тем интереснее будет с ними поговорить, когда мы встретимся вновь.

Вошёл Ярослав.

— Роман Владимирович, генерал Иванов ждёт аудиенции в приёмной. Не стал вас беспокоить, пока вы не закончили разговор.

— Приглашай. Надеюсь, я не долго заставил его ждать — будущий министр, как никак. — Я хмыкнул, но про себя подумал: «Или нет».

Через несколько секунд дверь открылась. Явился статный, даже спортивный мужчина, сорока лет с небольшим, в погонах генерал-лейтенанта МВД. Глаза умные, цепкие, волосы короткие, с проседью, подстрижены на армейский манер.

Встаю, жму руку и при этом безцеремонно, по-деловому вваливаюсь в его сознание. Так-с, что тут у нас, товарищ?

— Доброго утра, Пётр Алексеевич. Чай, кофе, Боржоми? — продолжаю методично осматривать содержимое его мыслей и эмоций. Что мы тут имеем: спокоен, уверен, интеллект на уровне, позволяющем ему занимать должность министра. Чёрных пятен нет — лишь какие-то детские психологические травмы: часто страдал от одноклассников. Ну что ж, у него был хороший стимул стать сильнее.

— От минералки не откажусь, Роман Владимирович. — Улыбка открытая, взгляд уверенный, не подобострастный. Хорошо. Наш человек. Честно признаться, я проштудировал его личное дело загодя и отдал предварительное добро на это назначение. Разливаю по стаканам природный дар Грузинской ССР. Мои правила распространились на всех членов партии: никаких прислуг, никаких «принеси-подай».

Можешь сам — сделай. И этот пример распространился на всю сферу жизнедеятельности. Коммунистическая Партия — не элита. «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи».

— Как сын? По вашим стопам пошёл? — у меня была вся инфа о нём, стоило всего лишь поинтересоваться. Я знал, что он ответит, знал, как обстоит процесс поступления его сына в профильный вуз. Но изобразить интерес и участие — это уже половина успеха в подборе единомышленников.

— Да, у него сейчас идёт сдача экзаменов, справится. Как раз у меня есть предложения для более качественного подбора сотрудников в органы. — тут же предложил новоявленный министр.

— Замечательно. Пришлите мне электронкой, ознакомлюсь. И вот первое партийное поручение для вас товарищ Иванов — усилить контроль за дисциплиной, прежде всего в республиканских аппаратах. Сами знаете, местный колорит часто окрашивает ваших коллег в не очень хорошем цвете. Борьба с любыми проявлениями кумовства и южного разгильдяйства — спуску не давать. Используйте свою власть в полной мере. — Говоря это, даю чёткую установку: «Исполнять и подчиняться». При этом замечаю, как расширились зрачки генерала, а взгляд застыл. Вот товарищ и прошёл прошивку. А что делать? Человеческий фактор требует непрерывного контроля.

Дополнительно, мы обсудили кадровые вопросы и назначения в его структуре. Между тем я пригладил сознание министра, придав ему дополнительной уверенности и целеустремлённости, и отпустил. Меня ждут в Директории микроэлектроники. Я курировал не всех, но многих. А за этими «ухарями» следил неотрывно. За ними — будущее страны.

Генерал вышел, и тут же явился референт с планшетом в руке.

— Роман Владимирович, это вам, ознакомиться в машине — для встречи в Директории.

— Спасибо, Ярослав. — с улыбкой бросаю ему. — Подготовь мне ещё инфу для сегодняшнего заседания и сбрось электронкой по «Вертушке». Думаю, я там быстро не закончу.

— Есть, шеф. — улыбнулся в ответ референт. Ярослав Плетнёв — исполнительный и целеустремлённый парнишка, к тому же вундеркинд. 12 классов закончил в пятнадцать лет, победитель олимпиад по физике, математике и химии. МГУ с красным дипломом. Трудоголик и идейный коммунист. Далеко пойдёт.

Я отхлебнул боржомом — вода уже нагрелась, вкус стал плоским, как утренняя сводка новостей. За окном — Москва, которую я построил. Или перестроил. Или просто

подтолкнул в нужную сторону, а она сама как-то выровнялась.

— Шеф, в отчёте из Директории есть нюанс. В целом, у них всё по плану, но...

— Но? — я поднял бровь.

— Они просят вашего личного разрешения на дополнительные испытания перед вводом в производство по нескольким позициям. Ну, вы знаете этих инженеров: им всегда мало.

Я усмехнулся.

— Ярослав, сейчас я ознакомлюсь лично, но если они ещё раз попросят «личного разрешения» на то, что должны делать по графику, я приеду вновь и проверю сам. С секундомером. И с плохим настроением.

Референт замялся, пытаясь понять, шучу я или нет. Я посмотрел на него поверх стакана.

— Шутка. — и лукаво ему подмигнув, продолжил — Но в каждой шутке, есть доля шутки.

Он облегчённо выдохнул и вышел. Я остался один, глядя на проплывающие за окном облака. «Тридцать пять лет назад я мечтал, чтобы мне подчинялись и верили, как про-року, кем собственно я и являлся. Теперь я мечтаю, чтобы

меня оставили в покое хотя бы на час. Видимо, это и есть старость?.. Тьфу ты, какая нахер старость? Есть ещё порох в пороховницах. Ну-ка, что там у нас дальше по плану?»

Я поставил стакан, взялся за планшет и мысленно подбодрил себя:

«Что сидишь? Вперёд.»

Глава 2

Во внутреннем дворе ожидает правительственный ЗИЛ — опять же, не смог отбрыкаться от этого пафоса, товарищи настояли. К тому же мы научились строить красивые автомобили, чёрт возьми, и не только для руководящего состава. Машина снаружи напоминает вытянутую каплю ртути. Внутри — надёжный бронированный салон, комфортный, хотя и аскетичный с виду, с закрытой космической связью — той самой «Вертушкой». Кроме водителя, со мной двое сотрудников сопровождения из Девятого управления, вооружённых короткоствольными автоматами.

Внутренний периметр столицы практически полностью исключал возможность терактов, но за её пределами ситуация была иной. Участились нападения на сотрудников центрального аппарата, видных учёных и преподавателей ведущих университетов. Организовывали их агенты Западного Альянса. Чувствуя свою скорую гибель, «буржуи» всеми

путями пытаются навредить нашей всепоглощающей мощи. Но покуда я жив — у них точно не выйдет.

Пока ехали, прокрутил в планшете сводки по микроэлектронике: новые разработки Директории, показатели по исполнению краткосрочного плана. За бронированным стеклом — ровные газоны, которым позавидуют элитные гольф-клубы, сверкающие улицы, высотки из стекла и бетона, безупречных пропорций. Именно таким мне представлялся этот город в девяностых, когда всё только начиналось. Я откинулся в кресле, глядя на проплывающие дома, и чувствовал, как снова подступает знакомая усталость, та, что копится годами: когда каждый шаг на виду, и каждая ошибка стоит слишком дорого.

— Игорь, — нарушил я тишину, — как твои успехи на ковре? Слышал, что тебя на рукопашке отделали. Опытный боец попался или ошибся? — Игорь коротко хмыкнул, не отрывая глаз от дороги.

— Шеф. Я уже восстановил справедливость. Позавчера были спарринги. Всё вернул сполна. Чистая победа нокаутом.

— А ты, смотрю, злопамятный, — усмехнулся я.

— Как иначе, Шеф. Как иначе. Работа у нас такая.

Мы замолчали. Я снова посмотрел за окно в набегающую монолитность, между тем прочёл в сознании своего водителя «Откуда Шеф всё знает и обо всём помнит. Удивительный человек!»

Я улыбнулся сам себе и потянулся к видеофону, набрал Оксану — просто чтобы услышать её голос. Даже тем, кто строит новую реальность, иногда хочется, чтобы просто ждали дома.

— Ты что-то забыл, мой хороший? — ответила сразу вопросом, едва появилась на экране наручного прибора. Сегодня она была дома. Моя Прелесть не сидела на иждивении — заведует кафедрой НИИ спортивного питания при Министерстве пищевой промышленности СССР. Доктор наук, Оксана Борисовна Третьякова — моя девочка.

— Разве я могу забыть? Я могу только найти. — улыбаюсь ей в ответ.

— А помнишь, Семён хвалил твой пирог?

— Испечь на вечер? — ещё шире улыбнулась она.

— Именно, моя Прелесть. Может, чаще будет у нас в гостях? — подмигиваю я. — А позвонил, не только пирог заказать — сильно хотелось тебя увидеть. А у меня ещё дел полон рот. Ладночки, до вечера. — изобразил губами поцелуй и отключился.

Сильно хотел без посредничества приборов заглянуть к ней в сознание, но эти ментальные кульбиты всё же не могут

заменить живого общения. Пора нам в отпуск, на тёплый песок, а лучше под пальмы — как в позапрошлом году в Варadero на Кубе. И обязательно взять Семёна. Ему там понравится.

Мы въехали на территорию Директории и припарковались у административного офиса. Бойцы охраны мгновенно заняли позиции вокруг машины — чётко, без лишних слов и движений. Я быстро просканировал сознание встречающих: руководителей и спецперсонала, столпившихся поодаль. Чисто. Никаких тревожных всплесков, никаких скрытых намерений. Что ж, встречайте, люди добрые.

Я вышел из лимузина. Обычно на таких встречах без моих «фирменных пилюль» не обходится — взбодрить руководство, поддать им задора и уверенности — я всегда считал своим прямым долгом. И это давало свои плоды. Повсеместно. В том числе и здесь, в радиоэлектронике.

В отличие от моего прошлого, того, другого «настоящего», наша промышленность не просто опережала технологии Российской Федерации из той реальности. Правильнее сказать — разрыв был колоссальным. СССР стал мировым лидером. И это был результат не одной лишь плановой экономики, но и того, что каждый знал: его работа — часть великого замысла, а я лишь помогал помнить об этом. Ну и, конечно, в основе всего лежал священный принцип социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Не по блату, не по знакомству, не по близости к начальству.

А по труду. По реальному вкладу. И люди это чувствовали. Потому что, когда ты знаешь, что твой ум, твои руки и твоя инициатива будут оценены по заслугам, а не за красивые глаза, — ты и работаешь иначе. С огоньком. С пониманием, за чем ты это делаешь.

Вот так и выстраивалась система, в которой люди стали не просто исполнителями, а созидателями.

В 2026 году самым передовым техпроцессом в советской микроэлектронике по плану должна стать технология 1,6 нм. Запуск массового производства намечен на конец года. Но меня сейчас волновали не столько нанометры, сколько объёмы выпуска — они оказались под угрозой. Именно с этим я сюда и прибыл. Отставание от намеченных показателей в нашей системе недопустимо.

Подходя к генеральному директору, беззастенчиво погружаюсь в его сознание. А что мне — я не стеснительный. Ну-ка, что у нас тут? Ага. Вот он, нехороший просчёт. Оказывается, Игорь Иванович самолично взял на себя завышенные обязательства. Замы и совет Директории рекомендовали ему не спешить, но он, видите ли, захотел орден. Похвально, конечно, но тщеславие — смертный грех. А вводить в заблуждение старших товарищей — грех вдвойне. Ладно, разберёмся. Отдуваться-то всё равно мне.

Здороваемся. Я приветливо улыбаюсь собравшимся. Поднимаемся на лифте на пятьдесят пятый этаж, размещаемся в переговорной. На столе минеральная вода, вокруг снуют ре-

ференты, раскладывая планшеты с отчётностью. Впрочем, я уже знаю, о чём пойдёт разговор.

— Игорь Иванович, вы меня огорчили, — начинаю ровным голосом, одновременно мысленно погружая его в образ: пустой кабинет, выключенный видеофон, мёртвая тишина и осознание, что всё уже решено без него. — Планы — не игрушка для личных амбиций, а вы, похоже, решили поиграть в героя. Даю последний шанс: через неделю жду реальных, не высосанных из пальца цифр.

Он открывает рот, но я не даю ему и слова вымолвить:

— А пока — покажите мне ваше чудо. Те самые контактные линзы. Говорят, в них можно даже кино смотреть. Картинка, как сказано в отчётах, максимальной чёткости. «Линза-С»? Управление — импланты или брелок? Показывайте. Хочу взглянуть лично. И запомните, товарищ Дымский: доверие, как и честь, теряют только раз. Соберитесь.

— Да, товарищ Третьяков, сейчас доставят. Но позвольте по плановым показателям мы...

Я обрываю его взглядом:

— Оправдывают не слова, а дела. Вернёмся к этому вопросу через неделю. Я в вас верю, Игорь Иванович.

Мысленно добавляю ему немного уверенности и концентрации. Лишь бы не сгорел от усердия. У каждого могут быть недостатки, но план есть план. Эти чипы уже ждут на перевооружение вычислительной техники по всему Союзу. Оборонка тоже готова выйти на принципиально новый уровень.

Автономные разведывательные наномодули в небе, в воде и на суше без новых процессоров так и останутся проектами. А рой насекомых-дронов, незаметных, рассыпанных над полем боя, — это асимметричное преимущество, которое Западный Альянс не сможет скопировать даже через годы.

«Линза-С» действительно порадовала. Я примерил её сам — потому что хочешь, чтобы было хорошо, либо делай, либо контролируй лично. Это как с боевой авиацией: мы массово переводим её на беспилотники, а до того мне не раз приходилось сидеть за штурвалом вторым пилотом. Так что контролировать результат я привык на практике. Надо бы приобрести такую штуку для Семёна — вот кто оценит. В кармане — небольшой регистратор, а вместо экрана «Линза-С». Они и движения глаз отслеживают, и картинку проецируют. В перспективе видеофоны заменят — информация прямо перед глазом. Плюс рабочее место для программиста — где пожелаешь. Меня это тоже заинтересовало. В работе пригодится.

Ознакомившись с новинками, я выехал на заседание Политбюро. Погода портилась — по пути к Старой площади накрыл дождь. Всю дорогу в голове копошилась мысль: я сегодня кое-что упустил. Увидел или услышал, но не обратил сразу внимания. Подсознание работает самостоятельно.

В Директории сотрудник, демонстрирующий прибор, оказался с нулевым сознанием — ну как не живой. Я дежурно скользнул по нему, а там пусто, словно нет его рядом. Странно.

Уже больше тридцати лет я взял в привычку ощупывать каждого, кто рядом. Предупреждение Генри я не считал обычной вспышкой гнева — он явно хотел до меня достучаться. Причина простая: чтобы я забился в тёмный угол и не лез со своими изменениями. Но я выбрал иной путь. Модернизация страны, адаптация коммунистической партии, беспрецедентное влияние на мировую арену — и всё это один человек. А посвящённых — единицы. В Политбюро лишь два человека знали о моих возможностях — я разместил их в ключевых точках: Генеральный секретарь партии и министр обороны СССР. К тому же они были моими самыми близкими друзьями. Друзей у меня нет.

Я не стал откладывать. Набрал по видеофону начальника службы безопасности Директории.

— Константин Львович, у меня к вам срочный вопрос. Сотрудник, который сегодня демонстрировал мне «Линзу-С», — светловолосый, около тридцати, в белом халате. Его нужно немедленно изолировать. Осторожно, он не совсем обычный. — Голос ровный, приказал — и отключился.

Всю дорогу на Старую площадь меня не отпускала мысль: успели бы. Надеюсь профессионалы не подведут, справятся с лазутчиком. Дождь хлестал по броне ЗИЛа, дворники смахивали воду, а я прокручивал в голове лицо того человека. Ничего. Пустота.

Захожу в кабинет, сбрасываю плащ на стул. И тут — вызов. Экран видеофона засветился.

— Роман Владимирович, — голос Константина Львовича сел, — у нас ЧП. Есть потери. Он ушёл. Камеры его потеряли. Включили план перехват. По результатам сразу буду информировать.

Я молчал, а в голове щёлкнуло: вот оно. То самое, что я упустил. Не человек — тень. Синеглазая, сука, тень, которую я прозевал.

Вошёл Ярослав. Заметив изменения на моём лице, сразу заинтересовался.

— Шеф! Какие-то трудности? — он обладал даром распознавать настроение по лицу. Даже меня иногда читал.

— Всё хорошо, Ярослав. Победа будет за нами. — Забираю планшет со статистикой, которую он подготовил к заседанию. — И вот ещё, экстренно, сбрось для девятки код «три нуля» — режим повышенной опасности.

Сам же набрал Председателя КГБ. Тот ответил не сразу.

— Извините, Роман Владимирович. После вашего визита в Директорию... — я перебил его.

— Я всё знаю, Виктор Павлович. А теперь примите все экстренные меры. При обнаружении объекта и близком контакте — брать живым. Максимально аккуратно. При поимке — наколоть снотворным. Лишить его визуального контакта

(мешок на голову, плотная повязка). Сообщай сразу по результату. — А мне пора на заседание.

— Понял — принял. Доложу, как управимся. — я отключился.

Быстро пройдя по властным коридорам, захожу в зал для заседаний — светлые панели, длинный стол из морёного дуба, в который встроены голографические дисплеи и сенсорные регистраторы. Чёрная кожа кресел, сталь, сдержанный декор. Функциональный минимализм дополнял портрет Ильича — куда ж мы без него.

Но не успел я занять своё кресло, как ко мне подлетает улыбающийся Королёв, министр обороны.

— Ну как ты, живой-крепкий? — его рукопожатие — словно стальные тиски, сжимает ладонь так, что кости хрустят. — Дома как?

— Всё в порядке, спасибо зарядке, Дмитрий Сергеевич, — бодро жму в ответ, пытаюсь не уступить в силе хвата. — Слышал, у тебя пополнение в семействе.

— Да, брат. Сын вторым внуком порадовал. Три восемьсот, богатырь! Надо будет обмыть это дело. А твой как, всё ещё не нашёл себе подругу по сердцу? — ухмыляется он.

— Службу служит, не до амуров ему. Ещё успеет окунуться в этот брачный омут, какие его годы. А дочка пока остановилась на одном. Мы с Оксаной её, как только ни подбадривали — говорит, мол, ещё успею, карьера, понимаешь ли...

— Да, у них своя голова на плечах, — он с досадой качает

головой, будто моя семейная демография его волнует, как собственная. — А вообще детей надо бы побольше.

— Дима, успеют. Каждому фрукту — свой срок, — усмехаюсь я, но, глянув на видеофон, тут же меняю тон: — И, по моему, пора начинать. Подмигиваю, хлопаю его по плечу и направляюсь к своему месту.

В зале уже собралось пятнадцать человек — первые лица страны. Здравуемся, рассаживаемся. Я открываю заседание как докладчик по первому вопросу.

— Товарищи, докладываю по результатам отраслевой проверки с микроэлектроникой у нас, можно сказать, без нареканий. Держу на контроле. У нас новинка — «Линза-С», запускается в серию. Сам сегодня опробовал — впечатлён и очень рекомендую для внедрения, прежде всего в вооружённых силах. Производство процессоров 1,6 нм для нужд Госплана налажено, но есть некоторое отставание по мощностям производства. Параллельно, новые микрочипы пойдут на оборонку, на гражданку и — делаю паузу, обвожу взглядом — а именно на пищевую промышленность. Автоматизация контроля качества с помощью обновлённых сканеров. — Несколько удивлённых взглядов, но никто не перебивает. Потому что знают: если я сказал — значит, вопрос изучен досконально. Двое посвящённых едва заметно кивают. Остальные принимают как данность.

Передаю слово Министру обороны и почти другу, по совместительству. Генерал армии Королёв — сухой, с короткой

с проседью стрижкой и взглядом питбуля — касается сенсорной панели, и над столом разворачивается голограмма: россыпь значков на карте арктического шельфа.

— Разрешите доложить. Товарищи, в рамках модернизации Северного военно-морского флота завершены испытания очередной партии из семи беспилотных подводных платформ проекта «Витязь». Ударный комплекс полностью интегрирован. Вооружение: хорошо зарекомендовавшие себя торпеды «Шквал Комплекс», ракеты малого класса «Чекан», модули радиоэлектронной разведки «Бестия». Готовы патрулировать трассы Северного морского пути без участия человека. По итогам приёмки — ставим на боевое дежурство.

В зале одобрительный гул. Я киваю.

— Утвердить. Финансирование — по плану. Перераспределим в рамках госзаказа. Принимается? Голосуем. Единогласно.

— Следующий вопрос.

Заседание идёт своим чередом. Обсуждаем плановые цифры по нефтянке, корректировки бюджета, социальные программы. Я слушаю вполуха, потому что в голове всё ещё та картинка: пустое сознание того сотрудника, которую я прозевал. Доклады, голоса, голограммы — всё это шелуха. Главное сейчас — найти синеглазую тварь, пока она не наделала дел. Ничего, разберёмся. Победа будет за нами.

Заседание затянулось, вопросов накопилось, но к ужину я успевал. Решил не гневить судьбу, не нарушать дисциплину и заодно не мокнуть под дождём. Дождь так и не закончился, поэтому я воспользовался машиной. Каких-то пара минут — и я в подъезде. Вместе с консьержем дежурят двое бойцов в полной экипировке. Готовность номер раз — это вот так. Абсолютно всё для защиты первых лиц.

Пока поднимался по ступенькам, подал ментальный сигнал Оксане «Открывай. Медведь пришёл». Шутить я любил и люблю. А как без этого? На пороге с хитрой улыбкой моя Прелесть. Шаг в прихожую и обхватываю за все выпуклости мою хорошую. Целую в губы.

— У нас всё хорошо? — смотрит пристально мне в лицо, — усиление безопасности режет глаз. Что-то сегодня случилось?

— Не бери в голову, лучше доложи-ка мне, Семёнов пирог готов? Я ведь тоже его люблю. — и скрывая лукавую улыбку, прохожу мимо неё в гардеробную.

Глава 3

Ольга с семейством появилась даже раньше срока. Соскучились. Внук прямо с порога повис у меня на шее. Вот для кого я, как говорится, Дед Мороз круглый год.

Обнимаю и чмокаю красавицу блондинку Оленьку в щёку, крепко жму руку Александру. Оля с Сашей недавно вер-

нулись из археологической экспедиции в Ирак — там сейчас самое пекло. Прилетели на месяц домой для отдыха и обработки результатов. Оля — специалист по шумерскому и аккадскому языкам — имеет в экспедиции неоспоримый вес, уже успев написать не одну монографию по истории Лагаша и Уру. Александр исполняет обязанности администратора, в совершенстве владеет арабским и курдским и, по совместительству, является майором службы внешней разведки. Ну а смуглая кожа и яркая восточная внешность позволяют ему сойти за своего. Ха. А как по-другому? Моя семья — моя сила. Обожаю их.

Пока ждали Олега, мы расположились в гостиной. Из кухни тянуло сдобой и корицей — Оксана колдовала над пирогом, который так любил Семён. Говорили о пустяках, смеялись. Но потом Ольга взяла меня под руку и потянула в кабинет.

— Па-ап! — в голосе уже позабытые детские нотки, будто она снова подросток. — Ничего не хочешь мне сказать по поводу вот этого? И протянула мне голографический снимок. На нём — жетон. Или, как я называл его когда-то, кристалл Генри. Или его точная копия. Я тут же привычно погрузился в сознание дочери. Там — яркий интерес, охотничий азарт, и вопрос, который бьётся о виски: «Как это может быть?».

«А вот и ещё один,» — мысленно усмехнулся я.

— А то, что ты видишь на снимке, обнаружили неделю назад на раскопках, у старого русла Евфрата. Предположитель-

но — на месте древнего города Ур. Царский некрополь акадского периода, там всегда находили что-то невероятное. Она замолкает, с любопытством впившись в меня глазами. «Ну что же, дочка, — думаю я. — Всего тебе знать ещё рано. Хотя прозорливости и ума в тебе на пятерых, и сама скоро придёшь к выводам». Но вслух лишь подбадриваю.

— Продолжай, моё солнышко. Интересная история. Что-то вместе с этим артефактом, видимо, тоже нашлось? — спрашиваю я, хотя скорее читаю ответ в сознании дочери.

— Па, от тебя никогда ничего не скрыть. Да. Нашлось кое-что ещё... И кое кто. — Она переходит на заговорщический шёпот. — В раскопе царской усыпальницы, за кирпичной кладкой, был обнаружен скелет. Примерно двадцать третий век до нашей эры. Хорошая сохранность: костные ткани, на удивление, не тронуты временем. А то, что ты видишь на снимке, было у него на шее. На платиновой цепочке. И самое интересное, — Ольга делает паузу, — кристалл имеет искусственное происхождение. Кроме того, это прибор. Внутри него микроэлектронный чип. В лаборатории это уже определили. Она делает ещё одну длинную паузу, тяжело вздыхает, словно набираясь храбрости. Я даже успел осмотреть себя через её сознание.

— И ещё... В левой, истлевшей, руке скелета мы обнаружили часы Patek Philippe Henry Graves Supercomplication, образца 1932 года. Которые были произведены в единственном экземпляре. Заметь, подобных им нет. Я проверила по

базам данных по 3D-снимку — именно эти часы в 2014 году выставили на аукцион, и анонимный покупатель заплатил за них 24 дореформенных миллиона долларов. И то, что часы, и устройство на цепочке, — абсолютно точно не подлог и не фальсификация, хотя так это всё и выглядит. За четыре с лишним тысячи лет в этом склепе мы были первыми. — Ольга застыла с открытым ртом, не мигая глядя мне в глаза. — Па! Судя по тому, что я прочла на золотой пластине в усыпальнице, этот скелет принадлежал самому Саргону Великому. Основателю Аккадской империи. А вот теперь скажи мне, откуда у тебя твой кристалл?

Я молчал. В голове шумело от воспоминаний, которые она невольно ворошила. Я ведь тоже занимался поиском следов синеглазых. Когда для меня открылись все архивы и многие тайны, я ринулся на поиски их следов в истории. Кое-что накопал, а Оля шла уже по проторённой дорожке — на которую, собственно, я её и поставил в раннем детстве. И вот результат: моя дочь, не будучи посвящена в мою тайну, таки вышла на след. И какой след! «Почему именно сегодня, скопом, произошли эти совпадения?» — отмечаю про себя, а вслух спрашиваю совсем другим тоном, тихим, но стальным:

— Дочка. О находке уже знает иракская сторона? Кто ещё посвящён в детали?

— Только мы с Сашей. Да, ещё наш полевой антрополог что-то видел. Мы с ним вместе вскрывали камеру усыпальницы. Но я, почему-то, захотела сначала показать тебе. Ар-

тефакты я отдала в полевую лабораторию на изучение без привязки к раскопкам, ну как отдала... Это инициатива Саши. — Я вздыхаю.

— И это правильно, но теперь этим займутся другие специалисты. Кристалл и часы остались в Ираке? — и между делом скользнул по её сознанию.

— Да, папа. В походной экспресс-лаборатории. Я же сказала. — рассеянно ответила Ольга.

— Понял. Сейчас мы с этим разберёмся. — Подношу видеофон к лицу, коротко бросаю дежурному спецгруппы быстрого реагирования (она всецело под моим контролем):

— Срочно готовьте к вылету специалистов для изъятия и консервации, а также боевую группу поддержки. Комплектация — максимальная. Объект в Ираке, координаты скину позже. — Отключаюсь и снова смотрю на Ольгу. В памяти всплывает то утро — тогда она ещё не родилась, а уже была с нами, в ту самую минуту, когда я, раненый, выплёскивал перед Оксаной свою тайну. И вот она, дочь, стоит передо мной — взрослая, умная, со своим собственным секретом.

— Продолжай копать, моя девочка. Но пока — никаких мировых сенсаций, — мой голос смягчается. — Для всех, кто спросит, вы нашли только старые кости и глиняные че-

репки. А в другой раз, если увидишь что-нибудь необычное, подобное сегодняшнему, не стесняйся, сразу сообщай. Но исключительно по закрытой линии. Ты меня поняла, моё солнышко? — наклоняюсь к ней и целую мягко в лоб, при этом сглаживаю все тут же возникшие возмущения в её умненькой головке. — А ещё, если кто-то начнёт задавать странные вопросы, кроме моих сотрудников, сообщай сразу Саше. — Она кивает, и я добавляю уже совсем тепло:

— Идём. А то Семён без пирога бунт поднимет.

Оксана с укором посмотрела на нас, когда мы заявили в столовую.

— Секреты от матери, Оля? — и тепло улыбается.

— Ма, да что ты, в самом деле, обычные глупости про работу. — и покосилась на меня, будто ожидая одобрения: мол, какая я умелая конспираторша. Но от Оксаны у меня секретов нет, а вот дочери об этом знать не надо.

— Товарищи! А Олегу кто-нибудь уже позвонил? Сколько его ещё ждать? — притворно завожусь я.

— Уже на подъезде. Сейчас расскажет историю. Звонил пять минут назад. — ответила Оксана, беспокойно взглянув на свой видеофон.

Оля пошла помогать Оксане накрывать на стол, а я остался с Сашей и Семёном. Внук виновато посматривал на своего отца, а я не стал копаться в хитросплетениях их сознания, просто, по-человечески, спросил.

— Вы только зашли, а я уже почувствовал, что-то произошло. О чём я, по странному стечению обстоятельств, ещё не знаю? — поинтересовался я у Александра. Зять хмыкнул себе под нос, покосился на Семёна и выдал тайну.

— Дед, поздравь воздухоплатателя с первой катастрофой. Самолёт разбился — никто не убит. — и скривился в кислой гримасе. «Такс, значит полетел без спроса» больно кольнула мысль.

— Семён, не желаешь объясниться? Ты меня утром плохо слышал? Выкладывай детали. Хочу узнать из первых уст. — не хватало потерять внука из-за ерунды. Придётся с ним поработать серьёзнее. Его беспечная храбрость до добра не доведёт.

— Дед, ты же знаешь, я без дела не сидел, — Семён шумно выдохнул и устался в пол. — Квадролёт был готов на сто процентов. Я лишь решил с ребятами его опробовать на малой высоте — на стадионе за научцентром, там никого не было. Хотели по-быстрому. Взлетел я нормально, прошёл по прямой, начал разворачиваться — и тут, блин, резко упала тяга. Два винта стали колом, аппарат перекосило, и я полетел камнем вниз.

— И как ты выжил? — спросил я, стараясь, чтобы голос

звучал спокойно.

— Систему аварийного катапультирования недавно поставили, — Семён поднял голову, и в глазах мелькнула гордость. — Только я не успел дернуть за рычаг, кресло сработало само — подхватило, когда аппарат завалился на бок. Парашют раскрылся метрах в пятнадцати от земли. Я отлетел на трибуны, пара синяков, а квадролёт — в хлам. Он замолчал, теребя край рубашки.

— Я сам монтаж делал, — добавил тише. — И схему сам адаптировал, чтобы сенсоры не блокировали. Настраивал, чтобы сработало только когда совсем край. Оно и сработало. Только я не ожидал, что так жёстко...

Александр покачал головой:

— То есть на пятнадцати метрах сработала катапульта с парашютом? А что, по-твоему, малая высота, Семён? — Но на мой вопрос ответа не последовало. Александр продолжил:

— Говорил же ему — сначала подтверди готовность у мастера-инженера, прежде чем хвастаться перед ребятами. А он: «Я сам всё сделал, я умный». Молодец — нечего сказать.

Я вздохнул:

— Семён, ты или гений или идиот. — пристально посмотрел ему в глаза — Ладно, разберёмся после ужина. А сейчас иди, помоги матери на стол накрыть. Потом закончим. Ступай. — Внук кивнул и был рад выскочить из комнаты. Я перевёл взгляд на зятя.

— Саша, ему нужен контроль. Полёты прекратить. И ещё.

С этого дня его передвижения — только в сопровождении специалиста по безопасности. Возможны угрозы. Ясно?

— Да, Роман Владимирович, — виновато ответил зять. — Пока мы с Ольгой в командировках, он и разбаловался. У моих родителей хвост задрал хуже павлина. Заберём его с собой в Ирак. Отец, как считаешь?

— Мысль неплохая, — усмехаюсь ему в ответ. — Пускай с археологами отдохнёт, с лопатой на перевес. А учёба с сентября возможна и дистанционно. Как там сват поживает, не скучает на пенсии?

— Семён не даёт заскучать, — ответил Саша и перевёл разговор на главное: — Оля рассказала тебе детали. А у меня вопрос только один: когда эти вещицы отправить в СССР?

— Я уже дал команду. Состыкую тебя с командиром группы, дашь ему координаты и полную сопроводиловку. Всё должно быть тихо и быстро.

На видеофон поступило сообщение от охраны снизу: «Олег Третьяков поднимается». Я сразу почувствовал его неподалёку — наша ментальная связь никогда не прерывалась. Пойду открою сыночку.

И вот на пороге стоял мой клон. Рослый, крепкий парень в форме ракетно-космических войск и погонах лейтенанта. Коротко подстриженные по-военному светло-русые волосы и глаза... ярко-голубые, с поволокой.

— Здравствуй, сынок. Всё нормально? — и крепко обнимаю его прямо в дверях.

— Здорово, батя, — ответил он, хлопнув меня по спине.
— Соскучился.

В его глазах я заметил некоторую досаду, но явно не по отношению ко мне. Сам всё расскажет, дело в том, что читать сына у меня не получалось никогда. Ведь мой дар перешёл и к нему, хотя, как мне кажется, не в полном объёме. Между тем его сознание всегда было плотно закрыто от проникновения и влияния. — Уже все тебя заждались. Иди, вымой руки и — за стол. Мать сегодня обещает гастрономический праздник. — И пока Олег направился в туалетную комнату, я пошёл радовать всех: семья в полном сборе.

Все за большим круглым столом. Взрослым наливаю «Мукузани» — красное сухое. Внук налил себе сам — любимый вишнёвый сок. Чокнулись за встречу, по глотку для аппетита.

— Рассказывай, Олег. Что стряслось? — обращаюсь к сыну. Он сдержанно улыбнулся и выдал историю — хоть сценарий пиши для Мосфильма.

— Начну с конца. Меня до дома патрулька привезла, а мою Волгу эвакуатор. Машина под списание, уцелел только задний правый фонарь. Я мысленно — и не только — напрягся, внимательно слушая уверенный доклад сына. И только сейчас заметил вздущуюся шишку у него в области левого виска.

— А случилось вот что. Ехал по Театральному, не спеша

— потому что успевал ко времени, а меня слева, со стороны Рождественки, на полном ходу таранит РАФ. Меня срезает прямо на тротуар, пробиваю ограждение и переворачиваюсь на крышу. Хорошо, пристегнулся — как ты меня всегда учил, пап. Ну а потом ГАИ тут как тут. Выбрался сам. И что хорошо — никого больше не зацепил, прямо камень с сердца.

— А что с водителем РАФа? — сразу спрашиваю. — Живой? Задержали?

— А не видел его потом больше никто. Я только лицо вскользь рассмотрел, когда сам из машины вылезал. На прибалта похож, блеклый такой, лет под сорок. — Я ещё больше напрягся.

— Синеглазый, что ли?

— Именно, — сын сразу закивал. — Такой... я бы сказал, рыбий глаз.

За столом воцарилась полная тишина.

Я поднялся, проходя мимо Оксаны, поцеловал её в макушку и, пообещав быстро вернуться, вышел в кабинет.

— Палыч! Ещё раз здравствуй, — набираю председателя КГБ. — Вдруг ещё не слышал, сообщаю: на моего сына сегодня вечером совершено покушение.

— Да, я уже занимаюсь. Нападавшего по камерам вычислили и уже блокировали в квартире. И знаешь, ты прав насчёт покушения. Микроавтобус бандита подготовлен для тарана: загружен кирпичом для большей устойчивости, кузов

усилен металлической конструкцией. Это спланированная акция — били наверняка. Как Олег? Сотрудники говорят, что он отказался от медпомощи.

— Разве он скажет? Визуально нормально. За столом сидим, семейный ужин. У меня дочка вернулась из загранкомандировки, а тут эти проблемы. Палыч, смотри, брать только живым. Хочу лично на него посмотреть.

— Понял, Шеф. Буду держать в курсе, — ответил он и отключился.

Многие товарищи по партии и члены госаппарата звали меня не иначе как «Шеф». Как-то прижилось. Видимо, моя шефская помощь была всегда своевременна и крайне результативна.

Когда вернулся, за столом уже текла непринуждённая беседа — обсуждали Оксанин яблочный пирог.

— Ну что, Семён, сегодня вы с Олегом оба каскадёры. Надеюсь, такими новостями больше не порадуете, — попытался я разрядить обстановку. Но тревога не отпускала. А ведь даже не тринадцатое — что это, если не активная фаза нападения? Слушаю семейную болтовню за чаем, а сам прокручиваю: отказ двигателей у внука, таран сына, инцидент в Директории. Слишком много совпадений для одного дня. Если допустить, что «синеглазые» умеют глушить моторы дистанционно, то квадролёт внука — не дурость, а прицельный удар. Пальцы сами выводят на экране видеофона, скрытом под скатертью: «Проверить полётный контроллер Семёна на

предмет внешнего взлома. Обеспечить усиление круглосуточной охраны семьи. Боевую группу — в готовность номер один». Отправляю, не меняя выражения лица, и снова улыбаюсь шутке зятя. Внутри — тихая ярость и холодная, как лёд, готовность.

Попрощавшись с детьми, я направился в кабинет — что меня туда поманило. Оксана набрала ванну — немного порелаксировать, а я пообещал присоединиться чуть позже.

— Моя Прелесть, скоро буду, хочу помассировать тебя перед сном... И не только... — игриво подмигнул ей.

— Жду с нетерпением, мой хороший. И хочу с тобой поговорить. Если не забуду... после массажа.

Сканирую сетчатку — и сейф открыт. Вот и заветная титановая коробка с кристаллом. Выкладываю его на ладонь, кручу в пальцах. «У шумеров они тоже отметились. Но в том и парадокс, что этому факту более четырёх тысяч лет».

А ведь наличие именно этого предмета сильно подстегнуло развитие советской микроэлектроники. В самом начале пути, когда я ещё работал консультантом у руководителя государства, мне удалось — не без применения моего «железобетонного аргумента» убеждения — создать коллектив сподвижников-инженеров микроэлектроники. Они не только нагнали отставание от аналогичной отрасли Западного Альянса, но потом и преуспели, а сейчас работают в Директории основным ядром разработчиков.

Кристалл, который я держал сейчас в руках, послужил

прообразом новых микрочипов. Никто не верил, что можно создавать настолько компактную электронику, пока я на закрытом совещании не продемонстрировал этот предмет и снимки, сделанные с помощью электронного микроскопа. Один нанометр в кристалле убедил всех.

Зачем-то, прихватив его с собой, пошёл в ванную комнату, разделся и в одно движение скользнул в горячую пенную воду, прижавшись к спине жены, обхватив её бёдрами. Кристалл положил на борт ванны.

Она вздохнула, откинув голову мне на плечо. Мои ладони легли на её грудь — мягко лаская. Я зарылся лицом в её затылок, вдыхая запах её волос. Пальцы скользнули ниже по животу и ненадолго там задержались — она выдохнула протяжно, горлом. Вода чуть колыхнулась, когда её бёдра приподнялись и прижались ко мне в едином, проникновенном движении. Мир сузился до размеров нашей мраморной ванны. Она сбивчиво задышала, вцепившись пальцами в мои ноги. Пар, шум гидромассажа, плеск воды. В какой-то момент мы замерли, её тело охватил лёгкий спазм, следом за которым пришла разрядка всепоглощающей волной, от которой мир вокруг вовсе перестал существовать. Оксана откинулась на меня, и я почувствовал, как бьётся её сердце под моей ладонью.

Она повернула голову, коснулась губами моей щеки и спросила шёпотом:

— Это всё они? И с Семёном, и Олегом? Ты ведь не дашь

им больше шансов обижать наших детей? — Я сжал её крепче, уткнувшись лбом в её макушку.

— Это моя вина, расслабил булки. Но больше не позволю никому.

Выходя из ванны, я снова прихватил с собой кристалл. Даже не знаю, что именно меня сегодня к нему влекло, может быть снимки из Ирака или попытка через тактильный контакт раскрыть тайну агрессоров, не знаю. Заснули мы в обнимку, артефакт я положил на прикроватную тумбу. Заснул сразу, только голова коснулась подушки. И провалился не в темноту, а в жаркий, липкий полдень.

Я стоял на вершине зиккурата, скрытый в тени шатра из грубой шерсти. Внизу, насколько хватало глаз, простиралась Месопотамия — ровная, как стол, жёлтая от зноя, с редкими пальмами и лентой мутной реки, уходящей к югу. Пахло нагретой глиной, пряностями и потом. Откуда я это знал? Просто знал.

В трёх метрах от меня в плетёных креслах из ротанга сидели двое. Между ними столик из чёрного дерева, на столике — кувшин с янтарным напитком, в котором плавали кусочки хлеба. Пиво. Два золотых кубка, уже початых. У изголовья, застыв как изваяния, двое нубийцев в набедренных повязках — чёрные, как уголь, — мерно махали опахалами из перьев.

Тот, что в кресле слева, был Саргон. Я узнал его по снимкам с барельефов, которые показывала мне Ольга, — хотя

здесь он был совершенно живой и сходство оказалось очевидным. Мужчина чуть старше пятидесяти, с длинной курчавой смоляной бородой, в тонкой льняной рубаше ярко-алого цвета, поверх которой застёгнут золотой пояс с притороченным бронзовым кинжалом (ножны усыпаны рубинами). — Волосы, такие же чёрные, собраны в узел на затылке и охвачены золотым ободом с мелкой гравировкой. На шее — знакомый кристалл: он искрился и переливался радужным светом. Глаза ярко-голубые — та самая «рыбья» поволока, которую я вижу каждый раз у себя в зеркале последние тридцать пять лет.

В соседнем кресле его собеседник. Безупречные пропорции лица и тела, тонкий орлиный нос, лоснящаяся смуглая кожа, большие мудрые глаза без единой эмоции — ни презрения, ни любви, ни интереса. Человек без возраста: не молод, не стар, он был таким всегда. Короткая курчавая борода, в которую вплетены тонкие золотые цепочки. На голове — высокая шапка, сплошь составленная из множества бычьих рогов, отполированных до янтарного блеска. Одет в тонкий шерстяной хитон цвета запёкшейся крови, на поясе — литой золотой диск с изображением козла. На шее — точно такой же кристалл, как у Саргона, но в его глубине не искры, а медленно вращающаяся голограмма двухвостой галактики. Это Энки. Бог мудрости, хозяин подземных вод. Они не смотрели в мою сторону — я был для них невидим и весь обратился в слух. Саргон взял кубок, отхлебнул, поморщился.

— Горчит, — сказал он на правильном английском. — Мать их. Всё горькое, Энки, представляешь. Даже пиво — так и не научились варить. На днях прилюдно за такую же дрянь приказал заживо распилить пополам дюжину бездельников, которые чуть меня не отравили. И что? Никакого страха. Опять это же дерьмо. — Да что пиво, здесь и победы горькие, и власть. Захватил в том году столицу эламитов Сузы, и что? Жалкая добыча, чуть больше сотни фунтов золота разными безделушками и несколько тысяч бесполезных рабов, которых даже продать здесь некому. Пришлось всех утопить на обратном пути в Тигре, чтобы зря не кормить. Когда же я вернусь домой, брат? Я всего лишь хочу бокал Гиннеса и кусок копчёной скумбрии. А это вечное солнце... Аааааа! Я тут задыхаюсь!

— Время горчит, Саргон, — ответил бог, и в его голосе не было ни сочувствия, ни холода — только знание. — Твоя задача — наклепать и обучить наследников, чтобы они продолжили наше дело. А ты что сделал? Снова выгнал из спальни Инанну на днях, когда она была максимально готова к зачатию. Вот и жди ещё месяц фертильное окно.

— Знаю, — Саргон отставил кубок и посмотрел на юг, туда, где река терялась в мареве. — Но почему ты подсунул мне эту бабу с усами? И это ты ещё не видел её ноги. Нет, ты посмотри — она же волосатая, как обезьяна. Как это можно трахать? А как её зовут, Инанна, или как-нибудь ещё, на мою эрекцию вообще не влияет. Я не могу и не хочу её! Даже с за-

крытыми глазами. — Пусть хотя бы, в следующий раз, её побреют. — Саргон обхватил лицо руками и запричитал, расклаваясь в кресле: — Энки! Я же был главой Renault-Nissan! А теперь я должен трахать волосатую бабу, чтобы сделать наследника. Почему я? Господи! Где справедливость? — Энки усмехнулся:

— Не поминай Господа всеу. Больно ты капризный, Саргон. Не бабу, а богиню. А хочешь, мы тебя в Южную Америку переведём, в Анды, к инкам? Вот где совсем не жарко, но у тебя же ещё и гипертония — загнёшься в горах. Так что выбор у нас невелик в это время. Терпи и клепай наследников, Саргон Великий. Здесь детская смертность запредельная. Ну а что ты правда ноешь? Дурное дело не хитрое. Лучше скажи, что дома передать, сэр Гон? — Он не договорил. Мир вокруг начал расплываться, краски смешались, и меня выдернуло из сна.

Открываю глаза. Рядом сопит моя Прелесть, но помимо этого я слышу едва уловимый писк — то ли свист. Оборачиваюсь на звук и охреневаю. Кристалл на тумбочке, до этого молочно-белый, стал полупрозрачным и светится изнутри. Я осторожно взял его в руку и внимательно рассмотрел. В центре стекловидного тела мерцала и медленно вращалась голограмма спиральной галактики с двумя хвостами. Я не астрофизик, но то, что я видел, явно тем и являлось — уменьшенной копией скопления миллиардов звёзд.

Чтобы не разбудить Оксану, ушёл в кабинет, положил кристалл на стол и отснял на видео феномен с артефактом. Ещё я обратил внимание, что кристалл работал словно лазерный сканер: по стенам кабинета вместе с вращением микрогалактики разливались еле заметные считывающие мерцающие полосы, пробегая по всему — включая меня самого.

Утро ворвалось в спальню неярким московским светом. Я открыл глаза — голова гудела, словно после хорошего удара. Рядом дыхание Оксаны. Глянул на тумбочку: кристалл лежал на том же месте, где я его оставил. Но где оставил? В памяти был кабинет, видеофон, мерцающая галактика. А как я очутился в кровати — хоть убей, не помнил. «Приснилось, — подумал я. — Переутомился, старина. Все эти покушения, синеглазые, дочка с Ираком...» Потянулся, хрустнул шеей и взял видеофон. Пролистал сообщения, заглянул в записи. И замер.

На экране мерцала та самая голограмма — спиральная галактика с двумя хвостами, а по стенам кабинета бежали считывающие полосы. Запись шла пятьдесят секунд. Я сбросил сонную одурь и уставился на кристалл. «Так вот ты какой, абонемент на все времена...»

— Ром, ты почему не спишь? Половина шестого — сонно пробормотала Оксана, взглянув на светящуюся панель часов.

— Вставай, моя Прелесть. Пора. Обещал же — сегодня побегим вместе. А я по дороге кое-что покажу тебе. Она

фыркнула, но полезла целоваться.

Через пятнадцать минут мы уже отбивали шаг по влажной дорожке. Утро, птицы, пульс ровный. Я приноровился к её дыханию и легко, невесомо плеснул в её сознание картинку — сразу, целиком: зной, зиккурат, два мужика в креслах, пиво. Саргон ноет, Бог Энки предлагает ему эмигрировать в Анды. И главное — кристаллы на их шеях, точно такие же, как у меня. Оксана на мгновение сбилась, глянула на меня круглыми глазами, но продолжила бег.

— Увидела? — спросил я.

— Угу, — выдохнула. — Ты это серьёзно?

— Абсолютно. Ночное видение. — Она помолчала несколько шагов, потом усмехнулась:

— С тобой, Ромка, даже пробежка — целое путешествие.

Утро дышало свежестью, рядом Ксюша, а я непрерывно прокручивал в голове события ночи. Что это было — сон или прыжок в прошлое на четыре тысячи лет? Этот мир — бесконечный и одновременно крошечный, странный: с галактикой на ладони и царями-топ-менеджерами. Думай, Рома. Думай. Анализируй. Видимо, тот временной разлом, о котором предупреждал Генри перед своим эпическим полётом, на подходе. Если я уже в него не влез по уши.

Глава 4

Ввиду того, что со вчерашнего дня ввели дополнительные

меры безопасности, вместе с нами бежали двое сотрудников Девятки — один в нескольких метрах впереди, второй позади. Они, старательно изображали таких же утренних любителей свежего воздуха, но достаточно было одного короткого взгляда, чтобы заметить под спортивной одеждой проступающие контуры оружия. Да и их взгляды, бегающие во все стороны, не сулили ничего доброго.

За завтраком мы не говорили, каждый думал о своём. Смотрю в тарелку, жую, размышляю о вечном. И стоило только взять в руки чашку кофе для первого глотка, как на запястье сработал вибровывоз на видеофоне. Вставляю наушник в ухо.

— Слушаю тебя, Виктор Павлович, — Председателю КГБ нет покоя ни днём, ни ночью, даже утром он на посту.

— Шеф! У меня есть новости по объекту в ущелье Чечкыш. Готов слушать?

— Как пионер. Говори, — бросаю я, пригубив глоток эспresso.

— Объект ожил. Отчётливая электромагнитная, радиационная активность. Свечение на внешнем контуре видно даже в дневное время. Мы ещё вчера усилили охрану, на подстраховке несколько боевых воздушных платформ. Но чует моё сердце: что-то там произойдёт. Сам понимаешь, мы-то готовы, а вот к чему — хрен его знает.

— Палыч! Так ты информируешь или совета просишь? — обречённо залпом допил бодрящий напиток и отставил

чашку в сторону.

— Даже не знаю. Как сказать. Короче: для подстраховки мы это устройство заминировали, это уже на всякий случай. А тебя ставлю в известность.

— Удивляюсь я тебе, Палыч. Я про мину вчера говорил как об аллегории, а ты буквально принял? Хотя, может, ты и прав. Только я ещё просил присовокупить к изучению светил науки в области квантовой кибернетики и изучении гравитационных волн. Кого-то нашли?

— Нашли, — вздохнул Палыч. — Твоего «кибернетика квантового». Только он сначала полчаса объяснял, что это не одно и то же, а потом попросил допуск к аппаратуре. Теоретически он готов к изучению проекта хоть вчера. Бьёт копытом. Короче, он в деле. — И уже собирает группу технического персонала. Отправим их в ближайшее время. А ты сам что по этому поводу думаешь?

Ну, то, о чём я думаю, Палычу пока знать не нужно.

— Скорее всего, это наши западные «друзья» подсунули, — ответил я.

— Только не могу поверить, чтобы СВР пропустило этот проект. И почему на нашей территории? Вся надежда на специалистов. Жду новостей в любое время.

— Есть ещё кое-что. При попытке задержания водителя, который вчера спровоцировал аварию с твоим Олегом, он выбросился из окна — вниз головой. Умер по дороге в больницу, реанимировать не удалось. Как-то так, Шеф.

— Хм. Что дал результат обыска в квартире? Кто он, откуда, кем работал? Хотя что-то есть на него? — я тут же вспомнил подобную выходку Генри три с половиной десятилетия назад.

— Обыскали, отпечатки и сетчатку пробили. На него нет абсолютно ничего. Появился неоткуда. В квартире личных вещей тоже не обнаружено. Но на месте падения, эксперты нашли небольшой кристалл — мутноватый такой, очень похожий на твой, Роман Владимирович, который ты раньше носил на шее... — он замолчал, глядя в упор с экрана видефона, но, поняв, что я никак не реагирую, продолжил. — Пробиваем через интеллектуальную систему по камерам, откуда он вообще взялся. Я внутренне напрягся.

— Кристалл отправьте в лабораторию на изучение, потом ко мне.

— Понял Шеф. А будут новости — сообщу. — И отключился.

— Утро добрым не бывает, — с улыбкой произнесла Оксана, держа кружку с кофе на весу, оперевшись локтями о стол. В глазах бегал лукавый огонёк. И чего же она хочет мне сказать? Я невольно скользнул по её сознанию... Ну конечно-же. Массаж в ванной. Поднимаюсь, наклоняюсь к ней, целую в пробор волос и тихо произношу:

— Я тоже тебя люблю. И вчера мне тоже очень понравилось.

Она залилась краской — хотя ведь знает, что я вижу и

слышу её насквозь, но всегда стесняется этого факта.

Лимузин за несколько минут доставил меня в офис. Ярослав тут как тут. Крепко жму ему руку, скользнув по его сознанию. Всё ровно.

В кабинете кто-то на моём рабочем столе в вазе оставил цветы. Я с удивлением смотрю на Ярослава.

— Что это?

— Ваша дочь передала с курьером с пол часа назад. Я забрал и не нашёл другого места, — пожал плечами референт. — Да, ещё, букет просканировали на всякий случай. Чист и безопасен. — Любит дочка всякие сюрпризы, вечером надо её набрать.

Пробежал новостную ленту на панели регистратора, просмотрел корректировки по основным экономическим показателям и закончил тем, что пролистал на планшете пошаговый план мероприятий на день. Всё, как всегда — забот невпроворот. Но что я упустил? В голове крутилась мысль. Что-то очень важное. Стоп. А почему Председатель не дал мне сводку по инциденту в Директории? Не может быть, чтобы не было результатов. Тот сотрудник — с нулевым сознанием. Я же дал команду на поиск. Синеглазая тень, которую я прозевал. Снова набираю Палыча.

— Я знаю, почему ты меня снова набрал, — хмыкает Председатель КГБ. — Сказать пока нечего. Совсем. Как сквозь землю ушёл.

— А что не сообщил? А, понял. Ни одной хорошей но-

вости? — съязвил я. Но, чтобы не трепать нервы Палычу излишне, подбодрил по-свойски: — Не переживай, найдёте. Куда этот кролик может исчезнуть? Разве что из окна прыгнуть.

— Вот это уже не смешно. И вообще, что это с тем чудиком было? Если бы не видеозапись с регистратора, подумал бы, что кто-то из штурмовой группы ему помог. Так нет же. Сам. Разбежался и скок.

— Ладно, товарищ Председатель, держи в курсе. И не забывай: для меня все новости важны. На связи. — И отключился.

В час дня встреча с Генеральным секретарём, ближе к чётвёрём — в Министерство обороны. Визиты очень важные. Пора дать толчок глобальным изменениям во всём мире. Империализм как данность потерял силы для противостояния — осталось немного подтолкнуть, и маленький снежок превратится в лавину, которая снесёт всё на своём пути. Но всё, конечно, сносить нам не надо — только буржуазные правительства. И взойдёт солнце свободы над всем земным шаром. Эта миссия для меня стала ключевой последние пятнадцать лет. В эти шахматы я и играл.

А сегодня мне предстоит сверить, часы с соратниками. И заодно, проверить, какие мысли посещают наше руководство, чем голова занята. Всё это крайне важно. Но что делать с кристаллом? Судя по его ночной сессии, активность противника очевидна. Такого раньше не было.

Я отпустил узел галстука, расстегнул рубашку и снял с шеи амулет. Положил на глянцевую поверхность стола. Никаких галактик. «Как же ты работаешь?» — задумчиво переворачивал с боку на бок, рассматривал будто впервые.

Пришло сообщение от дочери: «Цветы для мамы, её любимые розы. А то я тебя знаю — ты такой внимательный, а про цветы всегда забываешь. Напоминаю: у вас сегодня тридцать пять лет. Поздравляю. Целую».

Вот же чёрт. Восемнадцатое августа! Как всегда, забыл. Бывает такое, когда голова забита проблемами.

Продиктовал ответ дочери и снова ушёл в изучение мировых нефтяных рынков. Сами мы уже давно не торговали ресурсами с Западным Альянсом совсем, но пора уже дать отмашку друзьям-арабам. Вогнать последний гвоздь в гроб мировой капиталистической гидры. Мы не просто душим их санкциями — мы берём их за горло. В прямом смысле.

Самый страшный удар — цена. За последние недели Brent перешагнула за сотню, а по расчётам аналитиков, наша акция поднимет котировки до полутора сотен амеров за баррель. Этого достаточно, чтобы разжечь пожар. Мировая инфляция подскочит на пару процентных пунктов, и самый болезненный удар придётся по еврозоне — они и так балансируют на грани.

Промышленность Европы долго не протянет. Каждые десять процентов роста цен на нефть съедают один процент их экономического роста. Заводы встанут, грузовики опустеют,

улицы заполнятся людьми. Германия — локомотив еврозоны — в лучшем случае покажет рост ниже процента. Это не спад. Это клиническая смерть. При цене в полторы сотни, если она продержится несколько месяцев, еврозону, Британию и Японию ждёт полноценная рецессия. Для США — стагнация и безработица.

Краткосрочная перспектива. Европа пытается заткнуть дыру стратегическими резервами. МЭА выбросило на рынок четыреста миллионов баррелей. Им хватит на двадцать дней. Всё остальное — удорожание логистики, рост цен на продукты и рекордные цены на газ — ляжет на плечи простых немцев и французов. Они это заслужили.

Долгосрочная перспектива. Им придётся глотать нашу пилюлю. Чтобы сбить инфляцию, Европейский Центробанк поднимет ключевую ставку. Кредиты станут недоступны, инвестиции иссякнут, экономика перейдёт в режим жёсткой экономии. В Европе — новая волна безработицы, а раскол между промышленным Севером и аграрным Югом станет непреодолимым.

Они попытаются уйти на возобновляемую энергетику. Но это инвестиции в далёкое будущее. Прямо сейчас у них нет ни ресурсов, ни времени.

Это и есть окончательная победа. Уничтожить их промышленность. Поставить европейские правительства на колени. Оставить их безоружными перед лицом грядущего голода и холода.

Расчёты Главного аналитического центра СССР показывают: буржуи сломаются. Окончательно и бесповоротно. Вот об этом и побеседуем с Генсеком сегодня.

Вдруг боковым зрением замечаю: кристалл мне мигнул. Быстро оборачиваюсь и вижу, как он прямо на глазах мутнеет, становясь вновь мутно-молочным. Хватаю рукой — тёплый. Следит за мной, что ли? Ладно, синеглазки, поиграем. Вешаю его на шею, застёгиваюсь и отправляю сообщение охране: «Нам пора».

Лимузин ртутной каплей выкатился из арки на московский простор. Меня ждёт Виктор Сергеевич Кузнецов. Генеральный секретарь ЦК КПСС. Мой товарищ и соратник.

За окном проносятся идеально вылизанные архитектурные шедевры соцреализма. Стремительные высотки, отороченные красными звёздами, всюду знамёна. Глаз радуется. А сердце... сердце помнит, как это всё едва не сгорело в девяносто первом. С тех пор я каждый день просыпаюсь с мыслью: только бы не упустить, не проглядеть очередную «тень».

Скоро большой праздник — «Флаг Родины». Разгром мятежников двадцатого августа девяносто первого года страна отмечает с большим размахом и самой яркой идеологической помпой. Патриотизм требует внимания. И я лично следил, чтобы эта помпа не превращалась в пустой звон. Потому что за ней — судьбы людей. Моя судьба. Моя вина и моя гордость. Но праздник — это не только флаги. Это каждый день, когда просыпаешься и понимаешь: то, что мы отстояли

тогда, всё ещё живо. И я за это в ответе.

Кабинет Кузнецова — гремучая смесь музейного лоска и современных технологий: светодиодные панели вместо старых люстр, ортопедические кресла экстра-класса вдоль стола, помнящего ещё Иосифа Виссарионовича. Дикое сочетание, но главное, чтобы Сергеичу было удобно. А вкус — он либо есть, либо нет.

— Что, Роман Владимирович, думаешь, пора их душить? — Кузнецов с интересом глянул на меня поверх кружки, делая глоток чая.

— Душить? Мы не змеи, чтобы душить, Витя. Пора их прихлопнуть. Как вредное насекомое. Без пощады, наотмашь, безжалостно. — Я чуть помолчал и добавил цитату, которую знал наизусть.

— Как завещал Ильич: «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть...» Ядовитые зубы мы им уже вырвали, Витя. Теперь им нечем кусаться. Остаётся только гавкать.

Я отхлебнул прохладный боржом и усмехнулся:

— Ты вспомни двадцатый год. Когда Штаты официально объявили дефолт, и доллар — самая успешная валюта последнего столетия — рухнул в одночасье. Они спешно ввели Американо по всему североамериканскому континенту, в том числе в «цифре». Только эффект от обмена всё равно вышел смазанным. Один к пятидесяти. Два цента за старый доллар. Неплохая попытка обнулить собственные долги. — Я поста-

вил стакан на стол и развернулся к нему всем корпусом:

— Кто успел вывести активы в правильные валюты — те в шоколаде. Остальные сидят в глубокой заднице. Мы им даже «подыграли» по-своему: скупили активы в Южной Америке и Африке, лишив Западный Альянс влияния на целые континенты. Теперь у них ни денег, ни влияния, ни будущего.

Кузнецов молчал, переваривая мои слова. А я подытожил:

— Так что душить — не наш метод. Слишком долго и хлопотно. Один точный удар — и в этот раз милосердия не будет. Добъём.

— Вот именно, — кивнул Виктор. — Экономика Альянса до сих пор не восстановилась. Они как затравленные — не выдержат. А ресурсов для долгой войны у них нет. Европа ляжет до конца года, а вот с америкасами мы закончим при полной поддержке НОАК (Народно-освободительной армии Китая) ближайшие несколько лет. Китайцам в этот раз отсидеться на дереве не удастся. — Кузнецов усмехнулся.

— Именно так, а в дополнение к нашим экономическим рычагам надо разом поднимать пролетариат по всему миру. Промедление преступно. Сам знаешь, наши враги никогда не отличались скромностью, и мы не станем. Так что Коминтерну предстоит весьма почётная работа. — Улыбнулся я. — И хочу добавить то, о чём ты и так знаешь: *Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*. Карфаген должен быть разрушен. В бой, товарищ Генеральный секретарь! — Ссылаясь на Карфаген, я помянул слова римского сенатора Катона из второ-

го века до нашей эры.

— Роман Владимирович, безжалостный ты человек. Но я благодарен судьбе, что мы друзья. Беда — не беда, когда ты рядом. Умеешь выбрать момент. — Генсек, кажется, готов разливаться в комплиментах дальше, но я корректно его приостанавливаю.

— Надеюсь, международный пролетариат не подведёт, Виктор Сергеевич...

— Не сомневайся. Послезавтра соберём Политбюро, утвердим сроки и скорректируем планы. Будь спокоен. — Он нервно пожевал губу и, будто вспомнив, продолжил: — Слышал, вчера твой сын попал в аварию. Надеюсь, без травм? — перевёл он разговор.

— Обошлось. Это не простая авария, Виктор, противник оживился, почуяв, что мы готовим подарок. Вот и гадают. Надеюсь, чекисты разберутся.

— Да это понятно. Разберутся. Но спрячь Олега от греха подальше. — лицо Генсека приобрело участливый вид. Сознание тоже подтвердило его искренность.

— Виктор Сергеевич, за ним присмотрят. Есть кому.

Прощаясь, оставил Генсеку карту памяти с моими дополнениями и конкретными шагами для обрушения экономики противника — поэтапно, согласованно с другими ведомствами, сводя на нет их возможные шаги по противодействию.

— Всё будет выглядеть как новая внешняя политика СССР. Ничего личного, только бизнес. Оправдание такое се-

бе, но в традициях конкурентов. Бить туда, где больнее. У них же мы и научились.

— Ассоциация с блицкригом очевидна, но я предлагаю назвать операцию, — на секунду я задумался, — «Рассвет». Подходит? Как на твой вкус?

Кузнецов хмыкнул, покрутил в пальцах карту памяти.

— «Рассвет»... — протянул он, пробуя слово на вкус. — Восходящее солнце, как на нашем гербе. Символично. Старый мир закатывается, новый встаёт из пепла. По-нашему. — Он усмехнулся, пряча карту во внутренний карман пиджака. — Согласен. Подходит на все сто. — Он пожал мне руку — крепко, по-мужски. Я ответил тем же.

Сидя в лимузине, почувствовал резкое жжение на груди. Опа, кристалл! Хватаюсь за амулет, отстраняю от тела, снимаю с шеи. Снова галактика. И опять считывающие линии.

Охранник впереди справа обернулся:

— Шеф, что это? — в глазах беспокойство.

— Игорь, не парься, — отвечаю. Знать бы, безопасно ли на самом деле. Что, если кристалл работает как маячок? Вот и сканировать пытался, пока не накрыл ладонью. Но как же хотелось на него смотреть — завораживает до чёртиков.

— Едем в Директорию, потом в Министерство обороны, — поменял я маршрут. — Лучше отдам специалистам. Дополнительное изучение не повредит. А ещё ждём новостей

из Ирака, ну как новостей. Кристалл и часы Саргона, которые обнаружила Ольга. Вот пускай и займутся комплексно. Не хочу больше гадать. А то у меня сложилось стойкое впечатление, что меня дразнят или вовсе, заманивают.

Сдав под личную ответственность артефакт руководителю отдела наноэлектроники для повторного изучения, помчался дальше. Грядут большие перемены. Хотя, когда перемены с моим участием были незаметны?

В кабинете министра обороны только мы вдвоём. Разговор деловой, но тёплый и доверительный.

— Дмитрий Сергеевич, на армии — подстраховка. Чтобы наши оппоненты не прижали наших друзей в Карибском бассейне и на Ближнем Востоке, требуется начать общевойсковые учения на месяц, а может, и больше, в прилегающих регионах. Наши базы на Кубе, Венесуэле, Никарагуа и Сальвадоре привести в максимальную боеготовность в сжатые сроки. И ускорьте переговоры с Мексикой и Боливией о размещении наших экспедиционных войск. Советский Латиноамериканский Союз уже не за горами, а им потребуется наша поддержка.

— Уже работаем над этим, Роман. Мексика даёт добро на размещение, а в Боливии приступили к работе наши военспецы. — Оживился министр обороны. А я продолжил.

— Китайские товарищи возьмут на себя Тихоокеанский регион. С ними уже всё согласовано. Главная цель учений — полная безопасность союзников. Сам же понимаешь, прово-

кации будут. Назовём учения, к примеру, «Глобальное братство» или «Ответное единство» — чтобы посыл читался.

— А как назвали экономический удар? — спросил министр.

— «Рассвет» — с улыбкой произнёс я, словно вопрос стоял о названии футбольной команды или совхоза.

— Эпично. Для врага это станет закатом, полным «блэкаутом». Но ты же знаешь, что делать. Ошибка исключена. Что по мне, пускай военная составляющая будет «Ответным единством», — он усмехнулся и продолжил: — на рассвете.

По пути к машине видеофон пискнул сообщением. Ожидаемая новость: артефакты из Ирака на пути в Москву. Отбываю дальнейшие инструкции: «Доставить в Директорию, отдел наноэлектроники. Доложить по исполнению».

Куда теперь? Очень хочется на свежий воздух.

— Игорь! Вези на Патриаршие. Надо подумать. — Даю новый маршрут, сажусь в машину.

Лимузин скользит вдоль Фрунзенской набережной в сторону моего места силы. Для меня Патриаршие за последние три с лишним десятка лет стали самым любимым и знаковым местом для раздумий. Любил я отдыхать на берегу этого водоёма и в прошлой своей жизни, ещё до переноса. Сиживал не раз вечерами с подругой, завернувшись в плед, за чашкой глинтвейна в летнем кафе... Но эти воспоминания стали как сон, как утренний туман. Было — но прошло.

Интересно, на какой скамейке, в фантазиях Михаила

Афанасьевича, ожидал отсечения головы его тёзка? Вот бы спросить его лично. И почему именно сюда меня влечёт каждый раз, когда я ищу ответ у судьбы. А ответы мне сейчас очень нужны. Что готовят синеглазые? Каким будет главный удар? Когда точно его ожидать? И смогу ли я противостоять в этот раз? Понятно, что я не один, но многие человеческие активы советской машины я по-прежнему использую вслепую. Не станет меня — и маховик красного колосса разорвёт сам себя, к ядрёной фене.

Сижу, смотрю на воду. Напряжение нарастает. Если бы курил — задымил бы. Но не курю уже тридцать пять лет, с того самого дня, как проснулся в 1991-м.

И тут — странность. Обычный с виду прохожий, является передо мной, откуда не возьмись, садится рядом, а моя охрана даже не дёрнулась. Боковым зрением вижу: даже вон отвернулись.

Незнакомец — серый костюм, старомодный, седая копна волос, очки в тонкой оправе. Сухой, поджарый, возраст не определить. Я уже открываю рот, чтобы спросить, но в этот момент слышу его голос прямо в голове. Ментально. Что за Гудини?

— Разрешите присесть, Роман Владимирович? Я — тот физик, Симонов Борис Исаевич. Вы отправили меня к куполу на Алтай.

Я скользнул по его сознанию и это с лёгкостью удаётся, без блокировки, открыто. Чисто.

— Да вы уже сели, — мысленно ответил я. — Но вы должны сейчас лететь на Алтай.

— Всё так. Лечу в самолёте — ответил Симонов. — А это — квантовая межвременная проекция. Голограмма и полноценная копия сознания. Я совершил скачок, чтобы предупредить.

— Интересная история, — вслух выдавил я и демонстративно набрал Палыча по видеофону. Седой замер. Сука, как живой сидит.

— Палыч! Здравия желаю. — на экране напряжённое лицо.

— Взаимно, Шеф. Ты, наверное, по инциденту в Директории? Ищем, пока без результата.

— И не только. «Ты кибернетика на Алтай отправил?» — говорю, а сам кошусь на седого.

— Тебе точное время отлёта дать?

— Просто да или нет? И сбрось его снимок и персональные данные.

— Хорошо. Сегодня в районе часа дня доктор Симонов с группой специалистов убыл военным бортом. А что-то случилось? Ты что такой заведённый?

— Палыч! Прямо сейчас. Очень быстро. — и отключаюсь. Через минуту пришёл ответ. Голографический снимок, идентификатор. Полное соответствие. Этот — точно доктор.

— Допустим, — мысленно произнёс я. — «Допустим, вы — это вы. О чём вы хотели предупредить?»

Симонов наклонился ближе, хотя в этом явно не было необходимости.

— Они ударят не на Алтае. Не через купол, — его ментальный голос стал жёстче. — Здесь, в Москве. Послезавтра. Перед заседанием Политбюро. Вас к нему не допустят. Вы погибнете в машине по пути, за пятнадцать минут до. Я видел это. В будущем. Два выстрела из гранатомёта по машине. Поэтому я здесь.

Я помолчал. Потом протянул руку, чтобы коснуться его плеча — пальцы прошли сквозь, как сквозь туман.

— Проверьте меня, — сказал он, снимая очки. Глаза обычные, карие. — Считайте мои мысли. Я открыт.

И я не церемонясь погрузился в его сознание — и увидел: лимузин, взрыв, своё окровавленное тело в обломках. Картинка была до боли реальной.

— Красивая смерть, — сказал я вслух, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Нехорошо. Очень плохо.

— Таким я вас запомнил из новостей, — ответил он.

— Как вы меня нашли?

— Как бы вам сказать, чтобы вы не зазнавались? — с ироничной и усталой улыбкой ответил Симонов. — В «Хрониках Третьякова». Ваша подробная биография изложена в нескольких десятках томов. В будущем вы — легенда. К сожалению, не живая...

— Что ещё вы видели?

— Только это. Точка бифуркации. Вас уберут, и операция

«Рассвет» не состоится.

Я смотрел на него. Внутри — холод. Но не страх.

— Вы и об этом знаете? Я могу это изменить?

— Конечно. Только вы и можете. — Он посмотрел на меня уверенно.

— Хорошо. Хотя чего здесь хорошего. — А как именно работает переход? — спросил я. — Для вас это не новость, а для меня — самая что ни на есть диковина.

Симонов усмехнулся — той самой усталой улыбкой человека, который уже перестал удивляться чудесам.

— Для физика разница между прошлым и будущим — всего лишь вопрос системы отсчёта. Упрямая иллюзия, но мы к ней привыкли. В центре купола — зона фокусировки энергетического поля. Попав в неё с оптическим ключом, происходит нелинейный переход — в обе стороны от точки запуска, в зависимости от задачи. Это всё, что я могу сказать, не вдаваясь в математику, которая вам, скорее всего, наскучит. Он поднял ладонь — я заметил, что пальцы стали полупрозрачными.

— И, похоже, у меня осталось меньше минуты. Так что, если есть ещё вопросы — задавайте, пока я здесь.

— Ну что ж, осведомлён — значит, вооружён. Я свяжусь с вами сегодня. С вами, исходным. Возможно, у меня будет просьба.

— Я знаю. И вот ещё: будущее не предопределено. — Я услышал это уже в сознании — и в тот же миг Симонов

схлопнулся в воздухе, будто его и не было. Обычный глюк.

Итак: синеглазые хотят убрать только меня. Как инициатора и источник их проблем. Что ж, поиграем.

— Игорь, Сергей! Я вам не мешаю? — окликнул я «бдительных» телохранителей. Те с недоумением взирали на меня, продолжая фильтровать прилегающую территорию.

— Что-нибудь случилось, Шеф? — отозвался Игорь, старший смены. Я решил не развивать тему. Каким-то образом голограмма Симонова была предназначена только для моих глаз.

— Домой. И на сегодня, видимо, свободны, — сев в машину, озвучил свои планы и снова задумался. Послезавтра враги планируют меня ликвидировать. Судя по воспоминаниям Симонова — взрыв. Расстреляют из гранатомётов. Но не ехать на заседание я не могу. Можно, конечно, изменить маршрут или сам транспорт, но, если в планах стоит ликвидация, у синеглазых точно есть и запасные варианты на случай форс-мажора. Так что думай, Рома.

Что, если изменить место проведения? Но разве возможно сохранить изменение в тайне? Снова вопрос.

Я, конечно, могу присутствовать на заседании онлайн — этим я сорву атаку на меня, а если о моём решении узнают непосредственно перед началом заседания, то у врагов не останется времени повлиять на ключевые шаги моего влияния на исторический процесс. Но я должен быть там.

Вновь вызвал Председателя КГБ по «Вертушке»:

— Прямо сейчас запускай план "Аврора". Все члены Политбюро, Совета министров, руководители ключевых ведомств переводятся в режим максимальной защиты. Ты понял? Палыч помолчал секунду, потом ответил:

— Шеф. Время пошло?

— Так точно. И чтобы ни одна сволочь не просочилась. — рывкнул я и отключился.

Размышляя о только что отданном приказе, я понял: необходимо защитить семью от возможных терактов. Чтобы через них не смогли воздействовать на меня. Чтобы не сорвали «Рассвет». Победа социализма близка как никогда. Мы добьём Западный Альянс и запустим программу воспитания людей будущего — на всей планете. Она уже готова. Ждёт своего часа.

Без воспитания нельзя построить будущее равных возможностей. Потому что человек по природе своей — существо, стремящееся к доминированию, и, если не заложить в него с детства иные ориентиры, он неизбежно начнёт использовать других как ступени. Это не порок — это эволюционный механизм. Но мы, в отличие от природы, можем его перенастроить. Равенство возможностей и достойная жизнь — не просто лозунги. Это единственная гарантия того, что общество не съест само себя. Потому что, когда люди чувствуют справедливость, они перестают бороться за выживание и начинают творить.

А для этого необходимо победить главный порок на пла-

нете Земля — жадность! Выжечь её из социума огнём и мечом. По сути, жадность порождает несправедливость!

Меня всегда интересовало, почему синеглазые выбрали противостоящую сторону? Кто их финансирует, какие именно политические ресурсы за ними стоят? Кто создал этот орден, который пытается управлять всем из будущего? За столько лет у меня не появилось ни одной серьёзной зацепки.

И вот теперь, когда к нам в руки попал «купол» (а теперь уже определённо, что это устройство для перемещения), такие возможности нам стали доступны. А следовательно, синеглазые не могли намеренно подсунуть нам этот козырь. А значит... Это значит, что «купол» нам передал кто-то свой — или тот, кто точно не видит в нас и в нашей стране угрозы.

И обязательно нужно связаться с доктором Симоновым, дополнительно проинструктировать физика. Такс, это снова парадокс: я позвоню ему, чтобы он предупредил меня о том, что на меня готовят нападение. Я с ума сойду.

Но кто же подсунул нам «купол»? Очередной раз набрал Председателя КГБ. Лишь бы Палыч на меня не обижался — он у меня как личный референт по безопасности, а у него и других дел немало.

— Палыч! Извини, отвлеку ещё. Скинь мне контакт доктора Симонова.

— Хорошо. Что случилось — не спрашивать? — осторожно поинтересовался он. — Какой-то ты сегодня загадочный. Хотя, видимо, это твой конёк. Что-то сделал, куда-то

позвонил, с кем-то перетёр — и глядишь, в Южно-Африканской Республике социалистическая революция. Ладно, молчу. Сейчас скину. — Отключился.

— Борис Исаевич? Это Третьяков. Как проходит полёт? Вам комфортно? — начал я очень издалека. Первое впечатление о человеке всегда самое главное.

— Здравствуйте, Роман Владимирович! — сбивчиво ответил он от неожиданности. — Да, всё хорошо. Чем могу быть вам полезен? И спасибо, что доверили такой проектище. Мы в полёте не тратим время зря, изучаем доступные материалы с коллегами. Голос был весьма жизнерадостным. Таким он мне не показался при первой встрече — когда я общался с его голограммой на Патриарших.

— Я вас кое о чём хочу попросить. Переключитесь на закрытый канал, в самолёте есть такая возможность. Лично для вас у меня информация.

— Итак, меня хорошо слышно? — задав вопрос доктору, я мысленно отключил слух своих телохранителей. Почему? Тут всё просто: доверие к доктору было очевидным. Он всё сделал, чтобы предотвратить мою гибель, а значит, утечки с его стороны минимальны. Гипотетически. А телохранителей использовать втёмную было бы самым верным решением врага. Конечно, они прошли много проверок и испытаний, но кто устоит против жёсткого гипнотического луча синеглазых? Только я. Да, ещё мой сын.

— Борис Исаевич! Ваша главная задача в краткосрочной

перспективе — разобраться детально, как работает прибор, как им управлять, возможно ли его перенести ближе к столице. А после этого вы лично должны, перемещаясь во времени, прошерстить ближайшие пять лет, выявляя события, которые могут угрожать существованию нашей стране, её руководителям и мне лично. Будете моим оракулом, так сказать. И ещё: об этой миссии больше никто никогда не узнает. Кроме нас двоих, правда?

Доктор завис от неожиданности моего вопроса, но когда я уже хотел снова его окликнуть, подумав, что траблы со связью, он оживлённо заговорил:

— Да. Конечно. Это невероятное доверие. Но откуда вы знаете, что то, о чём вы сказали, вообще возможно? Прошерстить пять лет? И что прибор именно для этого... Насколько я понял, устройство обнаружили совсем недавно. — Он ещё хотел узнать какие-то подробности, но я вежливо пресёк его:

— Вы всё узнаете в процессе изучения. Главное — не болтать. И успехов вам. Всё у вас получится. Я это точно знаю. Держите в курсе. — И отключился.

Следующий звонок — сыну, затем дочери. Всех собрать под своё крыло. Дома им и доведу дальнейшие шаги.

За сына надо попросить его начальство. Ведь он у меня человек военный, а значит, подневольный. Набрал командира воинской части, где служит сын. Объяснился.

Вот и дом. Мои телохранители, тоже получив от своего начальства необходимые команды, явно оживились. Движе-

ния бойкие, взгляды озабоченные. Полный контроль прилегающей улицы.

Поднимаясь пешком на свой этаж, мысленно зову Оксану. Она открывает, озабоченно оглядывает меня на пороге.

— Ромочка! Ты по деткам снова соскучился? Ольга меня набрала, пыталась узнать, что случилось, но я сама не в курсе.

— Чуть позже, моя Прелесть. Приготовь мне кофе покрепче, пожалуйста. Мне надо ещё в кабинете поработать.— Видя мою озабоченность она не стала больше приставать с расспросами и чмокнув меня в щёку ушла на кухню готовить эспрессо.

Включаю регистратор за рабочим столом, пробегаю по новостной ленте международного интернета всё, что связано с Алтаем и какими-либо намёками на купол. Ничего. Набираю руководителя Первого Главного Управления Щербакова Егора Кузьмича.

— Добрый вечер, Егор Кузьмич. Есть у меня к тебе несколько вопросов. Готов?

— Добрейшего, Роман Владимирович. Слушаю внимательно, — отозвался генерал КГБ.

— Скажи мне, как вы проворонили строительство объекта на Алтае. Надеюсь, ты понимаешь, о чём я? — начал я колючим голосом.

— Есть у меня ответ, товарищ Третьяков, — перешёл он на канцелярский язык, видимо, обиделся. — Наши эксперты

уверяют: его установили совсем недавно, но следов установки, а именно монтажных и бетонных работ, попросту нет. Конструкция будто бы вплавлена в скалу или же вообще является её частью — настолько плотное примыкание титановой чаши к граниту.

— Ты это серьёзно? — и тут же, мысленно чертыхнувшись (понимая, что риторический вопрос — пустое), переспросил: — Как это возможно? Не знаю ни одного примера похожих случаев.

— Специалисты тоже в замешательстве, потому что одно объяснение полностью противоречит другому. Пока ответа нет. Но я слышал, туда уже отправилась группа специалистов из Института ядерных исследований. Может быть, они к чему-то придут, — пытался он оправдаться тем, что я и без него знал. Более того, я сам инициатор их отправки.

— Понятно, что непонятно. Егор Кузьмич, займись плотнее иностранным следом по этому вопросу. Расширь зону поиска. Встряхни резидентуру. Но у меня есть мнение: тот, кто это смонтировал, не держит нас за противника. Не знаю, может, потому что не считает достойными либо даже решил нам подыграть. — Сказав это, я замолчал, соображая, стоило ли мне задавать тон расследованию в таком ключе.

— Шеф, — усмехнулся главный разведчик, — ты точно ничего не хочешь добавить? Судя по тому, что я слышу, ты знаешь больше нашего. Да и обнаружил эту хреновину тоже... — не дав ему договорить, ответил отстранённым то-

НОМ:

— У каждой службы свои недостатки, приходится использовать косвенные, параллельные глаза и уши. К слову, и достоинства оцениваются по заслугам. Не зря же родное советское правительство вас содержит. Так что соберитесь, товарищ Щербаков. Жду быстрых результатов. — И отключился. Иногда стоит показать зубы, чтобы процесс ускорился.

А сейчас — контрастный душ. Уже, выходя из кабинета, я заметил на столе чашку кофе. За разговором и не услышал, когда Оксана входила.

Стеклянная кабина наполнилась паром. Я встал под жёсткие струи, пытаюсь отключиться от всего мирского и сосредоточиться на главном.

Вода была обжигающе горячей, но я почти не замечал этого.

Глава 5

К действительности меня вернуло ощущение — сын в квартире. Запахнув халат, выхожу из ванной. Вот и мой герой.

— Отец! Ты хоть объяснишь? Что произошло? Меня под конвоем доставили твои терминаторы! Что я, маленький? — вместо приветствия взорвался сынок.

— Ну, во-первых, не под конвоем, а с охраной — это большая разница. Во-вторых, тебе повезло родиться моим

сыном, а это не только честь и ответственность, но и риск. Что произошло, объясню обязательно, когда появится Ольга. Кстати, она далеко?

— Не в курсе, — ответил он, ещё злясь. — Мама, наверное, знает. Привет, па.

— Здравствуй, сынок! Не сердись. Есть причины. — Иду на кухню.

За столом моя жена, на её окаменевшем лице немой вопрос, глаза сверкают.

— Что? — рывкнул я. — Оксана кивнула на видеофон и прошептала:

— Ольга только что звонила. Семён пропал. Не вернулся с тренировки. Абонент недоступен. Она в шоке. Саша поднял всех, кого смог. Тебе не дозвонились.

Тут же иду в кабинет за видеофоном. Двенадцать пропущенных и линейка сообщений мерцает красным. Начнём с МВД. Набираю нового министра.

— Пётр Алексеевич. Это Третьяков. Срочное дело. — Без предисловий. — Нет связи с моим внуком. Подозрения на похищение. Поднимай всё, что есть: патрули, камеры слежения, сканеры, транспортную милицию. Высокий риск. У Семёна зашит чип с идентификатором — это должно помочь. Сейчас сброшу идентификатор. Я на связи.

— Есть, товарищ Третьяков. — И отключился. Набрал Семёна сам — абонент вне зоны. Сел, откинулся на спинку стула, закрыл глаза. Сконцентрировался, ища сознание вну-

ка в океане мысли-сущностей. Оксана замерла за столом напротив, не мешая, боясь отвлечь. Она знала, где я сейчас, чем занят.

И только я прорвался сквозь нечитаемый туман, и появилась открытая воронка сознания внука, как на руке сработал видеофон. Открываю глаза, читаю: «Ваш внук поднимается». Твою же мать! Семён!

На пороге — довольный и по всей видимости, ничего не подозревающий Семён. Улыбка до ушей, ни тени вины. Увидев моё выражение лица, он слегка опешил.

— Что? Дед? — посмотрел уже на меня пристальнее.

— Семён! Что со связью? «Почему отключил?» — говорю спокойным тоном.

— А! Ты про видеофон. Так спёр кто-то в раздевалке, представляешь? Пока я в бассейне был. Вот, подумал, что ты меня захочешь увидеть. Ведь так? Вот я и здесь. За спиной услышал голос жены:

— У нас он, отбой тревоги. — Короткая пауза. — Ждём вас, Олег уже на месте.

Отбил тревогу и я. И закончив с формальностями, воззрился на внука, который так же непонимающе стоял в холле прихожей.

— А как так вышло, что ты оказался сегодня без охраны, Семён? — Я же ясно распорядился: все перемещения за пределами — только в сопровождении специалиста по безопасности. — На что тот потупившись опустил глаза выдал

очевидное

— Да я от него сбежал.

— Зачем? Что за самовольство? — слегка завёлся я. Внук потупился, потом выпалил:

— Ну а чё он? Его не было ни в раздевалке, ни в холле. Я поискал — нет. Ну и сбежал. — «Кровь не водица», — усмехнулся я про себя. Ладно, обсудим с его отцом, куда кто глядел. И что за «спец» был приставлен к моему наследнику.

Вскоре появились Оля и Саша, и только тут выяснились обстоятельства побега Семёна из-под надзора. Всё оказалось проще некуда: охранника нашли мёртвым в той же раздевалке — в одном из пустых шкафов. Ему сломали шею.

Получается, мой внук чудом избежал похищения, а то и смерти. Я даже на секунду завис. Быстро просканировал сознание внука — ни одной зацепки. Тут же набрал руководителя Девятого управления, вызвал усиленный кортеж при поддержке отряда телохранителей и боевых дронов. Пора прятать семью. Ничто не должно связывать мне руки.

Предвкушение боя было для меня сродни охотничьему экстазу. Голова работала молниеносно, все чувства обострились.

Всё это время, пока я общался по видеофону, пять пар глаз с недоумением и плохо скрываемым беспокойством следили за мной.

— Теперь я готов ответить на все вопросы, — произнёс я, отключая связь, и повернулся к семье. — Вы готовы меня выслушать?

— Ромочка, я тебя боюсь таким, — тихо выдала Оксана. — И что ты хочешь нам рассказать?

— Мы вступаем в новую эру — глобального социализма. Для этого я инициировал шаги, которые значительно повлияют на ход истории и обязательно приведут к нашей победе на всей планете. Враг выявил нашу активность и пошёл по самому простому пути — ликвидации ключевой фигуры. Моей ликвидации. Я не могу и не буду скрываться — я необходим здесь, а вот вас я надёжно спрячу. Вы — моё уязвимое место. А теперь задавайте вопросы. — Я улыбнулся, спокойный, уверенный, непоколебимый.

Оксана вскинула брови, в глазах — беспокойство и тоска.

— Рома, куда ты снова влез? Почему всегда на острие атаки? Ты понимаешь, что я не переживу... — и продолжила: — Куда ты нас отправляешь?

— Совсем недалеко, любимая. Учебно-тренировочный центр спецназа ГРУ. Мышь не проскочит. В районе Черноголовки. Лицо дочери покрылось пунцовыми пятнами, в глазах застыли слёзы.

— Пап! А как же моя работа?

— Доча, работа потерпит. — ласково ответил ей.

Мужская часть семьи была более сдержана в эмоциях. Голос подал зять:

— Я так понимаю, что и меня спрячут. В такое время, нам необходимо быть вместе. Но возникнут вопросы на работе.

— Саша, я всё улажу. На тебе — и на тебе, Олег (обратился я также к сыну), — безопасность, — уже тише сказал я и обнял внука, который застыл рядом, непонимающе хлопая ресницами. Олег как-то криво улыбнулся и вымолвил:

— Батя, ты только сам себя береги. А что, если я с тобой останусь? — И замолчал, настороженно вглядываясь мне в глаза.

— Сын. Ты нужен мне с семьёй. Всё уже решено. На сборы пятнадцать минут, скоро подадут карету, — пытаюсь шутить, но замечаю — без видимых результатов.

Поцеловал дочку в висок, пригладил непослушную прядь волос, заглянул в глаза и шепнул в ушко:

— Поддержи маму. — И ещё раз чмокнул.

Были сборы недолги. Вскоре пришло сообщение, что конвой в двух минутах езды.

— Семён! На тебе спокойствие семьи, — снова пытаюсь поднять всем настроение. Семён растерянно огляделся:

— Дед, ты о чём?

Я треплю его волосы и отвечаю уже почти серьёзно:

— Не шали — и всем будет спокойно. — Лёгкая улыбка скользнула даже по лицу жены. Нежно обнял и её. Как напутствие добавил:

— Думаю, максимум неделя, от силы десять дней — и всё наладится. Связь со мной по закрытой линии. Отдохните там.

Парами поднимались бойцы Девятки, одевали членов семьи в бронежилеты и, прикрывая щитами, выводили на улицу, где их уже ждали бронекапсулы спецмашин кортежа.

Я взглянул вниз сквозь бронированное стекло. Улица перекрыта, колонна из пяти чёрных, как смола, машин застыла у парадной. Район оцеплен бойцами, а на высоте двадцати метров зависла пара боевых дронов, сканируя пространство вокруг. Всё, поехали.

Пора включать режим берсерка. Но пусть это будет только видимость — для пущего страха врагов. Голова моя должна оставаться холодной. Со мной в квартире остались два офицера и несколько в подъезде. На крыше дома на против бойцы оборудовали огневые точки. Моя маленькая крепость в центре Москвы.

Набираю Палыча по видеофону.

— Посылку из Ирака доставили?

— Сейчас узнаю, Шеф. Как ты сам? — обеспокоенно ответил он.

— Семью отправил. Настроение бодрое. Охоту люблю. — отвечаю полушутя, а сам думаю: «А правда, как я? Руки развязаны, а всё равно жду чего-то?»

— А вот и подтверждение, груз доставили, — радостно сообщил он.

— Палыч, распорядись немедленно привезти ко мне. Не откладывая. Необходимо взглянуть самому, — озадачил его я и отключился.

Но признаться, зачем мне на это смотреть? Точно не знаю, но внутренний голос подсказывает: кристалл Саргона мне крайне необходим. Даже не представляю, чего ожидать от артефакта, но я ждал встречи с ним — более того, жаждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.